

ПОЛИЦЕЙСКИЙ МЕЖДУ ДВУХ МИРОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КОСТЫРКО СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Сергей Костырко

Полицейский между двух миров

«Автор»

2026

Костырко С. Д.

Полицейский между двух миров / С. Д. Костырко — «Автор»,
2026

В городе, где границы между реальностью и тайной стираются, слова становятся ключами, а один неудачный выбор запускает цепочку событий. Полицейский Сергей оказывается втянут в расследование, которое не подчиняется привычным правилам: улики ведут туда, куда нельзя просто прийти, а угрозы приходят не напрямую — через подмены, намёки и загадочные совпадения. На кону не только раскрытие преступления, но и собственное понимание того, что является правдой. Ведь некоторые тайны способны изменить не только дело — но и судьбы тех, кто стоял рядом.

© Костырко С. Д., 2026

© Автор, 2026

Сергей Костырко

Полицейский между двух миров

Глава 1

Эта история — чистая фантазия, рождённая в глубинах авторского воображения, где каждая строчка, каждая реплика и каждый поворот сюжета были созданы не ради документальной точности, а ради того, чтобы увлечь читателя, заставить его сердце биться чуть быстрее, а мысли — уноситься далеко за пределы обыденности. Ни один из персонажей, чьи судьбы и характеры разворачиваются на этих страницах, не имеет реальных прототипов: ни капитан Хорошун с его неумолимой требовательностью, ни полковник Бельская с её стальной выдержкой и скрытой теплотой, ни сам главный герой, разрывающийся между долгом и желанием простого человеческого счастья. Каждый из них — плод творческой работы, мозаика из множества наблюдений, впечатлений и додуманных деталей, собранных воедино, чтобы ожить на бумаге и обрести собственную жизнь в сознании читателя.

Ни одна ситуация, разворачивающаяся в повествовании, не повторяет реальных событий, не является пересказом чьих-либо воспоминаний или отчётов о службе. Даже те сцены, которые могут показаться до боли знакомыми и узнаваемыми — будь то развод личного состава, проверка формы, составление протокола или долгие разговоры в тесной инспекторской, — не являются документальными свидетельствами, а представляют собой художественные конструкции, выстроенные по законам драматургии. Автор намеренно избегал буквального воспроизведения будней службы, потому что его целью никогда не было создать инструкцию или учебное пособие по работе в органах внутренних дел. Напротив, отдельные элементы были сознательно преувеличены, чтобы подчеркнуть напряжение момента, искажены, чтобы придать им особую выразительность, или придуманы с нуля, чтобы органично вплести в ткань повествования мистическую составляющую, которая придаёт истории глубину и многослойность.

Все подразделения, фигурирующие в тексте, все приказы, на которые ссылаются персонажи, все процедуры и детали службы — это художественный вымысел, созданный исключительно ради развития сюжета и раскрытия характеров. Названия участков, порядки несения службы, формулировки команд и даже мельчайшие нюансы взаимодействия между сотрудниками — всё это существует только в рамках придуманного мира, где реальность служит лишь отправной точкой, трамплином для полёта фантазии. Автор сознательно брал узнаваемые очертания действительности, чтобы читатель мог легко поверить в происходящее, но затем свободно искажал их, добавляя те самые штрихи, которые превращают привычное в удивительное, а будничное — в захватывающее.

Автор не ставил перед собой цели достоверно отразить будни МВД, и это принципиальная позиция, лежащая в основе всего повествования. Реальная служба — это сложный, многогранный механизм, в котором переплетаются дисциплина, бюрократия, человеческие отношения и огромная ответственность, и передать всю эту сложность в рамках художественного произведения, не превратив его в сухой отчёт, практически невозможно. Поэтому автор выбрал иной путь: он взял отдельные элементы, вызывающие эмоциональный отклик, и усилил их, чтобы создать нужную атмосферу, подчеркнуть драматизм и раскрыть внутренний мир своих героев. В результате на страницах книги рождается не копия реальности, а её художественное отражение, в котором правда чувств важнее буквальной точности фактов.

Более того, некоторые детали были намеренно сделаны гиперболизированными, чтобы усилить эмоциональное воздействие на читателя. Строгость капитана Хорошуна, напряжённость проверок, ощущение постоянного контроля и ответственности — всё это укрупнено, чтобы читатель смог прочувствовать, каково это — стоять на разводе под пристальным взглядом начальства, когда малейшая неточность может обернуться серьёзными последствиями. Мистические элементы, такие как странная способность нового сотрудника влиять на реаль-

ность своими словами, вовсе не претендуют на правдоподобие в обычном смысле, но работают как мощный художественный приём, позволяющий исследовать темы судьбы, ответственности и силы слова в совершенно новом ракурсе.

Этот текст — не документ, не инструкция и не методическое пособие. Он не должен восприниматься как руководство к действию, описание реальных процедур или характеристика работы органов внутренних дел. Это художественная история, в которой реальность — лишь отправная точка для полёта фантазии, материал, из которого автор лепит свой собственный мир. В этом мире действуют свои законы, свои правила и своя логика, подчинённая прежде всего интересам сюжета и раскрытию характеров персонажей. Читатель приглашается не для того, чтобы изучить устройство службы, а чтобы прожить вместе с героями их испытания, разделить их тревоги и надежды, ощутить напряжение момента и проникнуться их внутренними конфликтами.

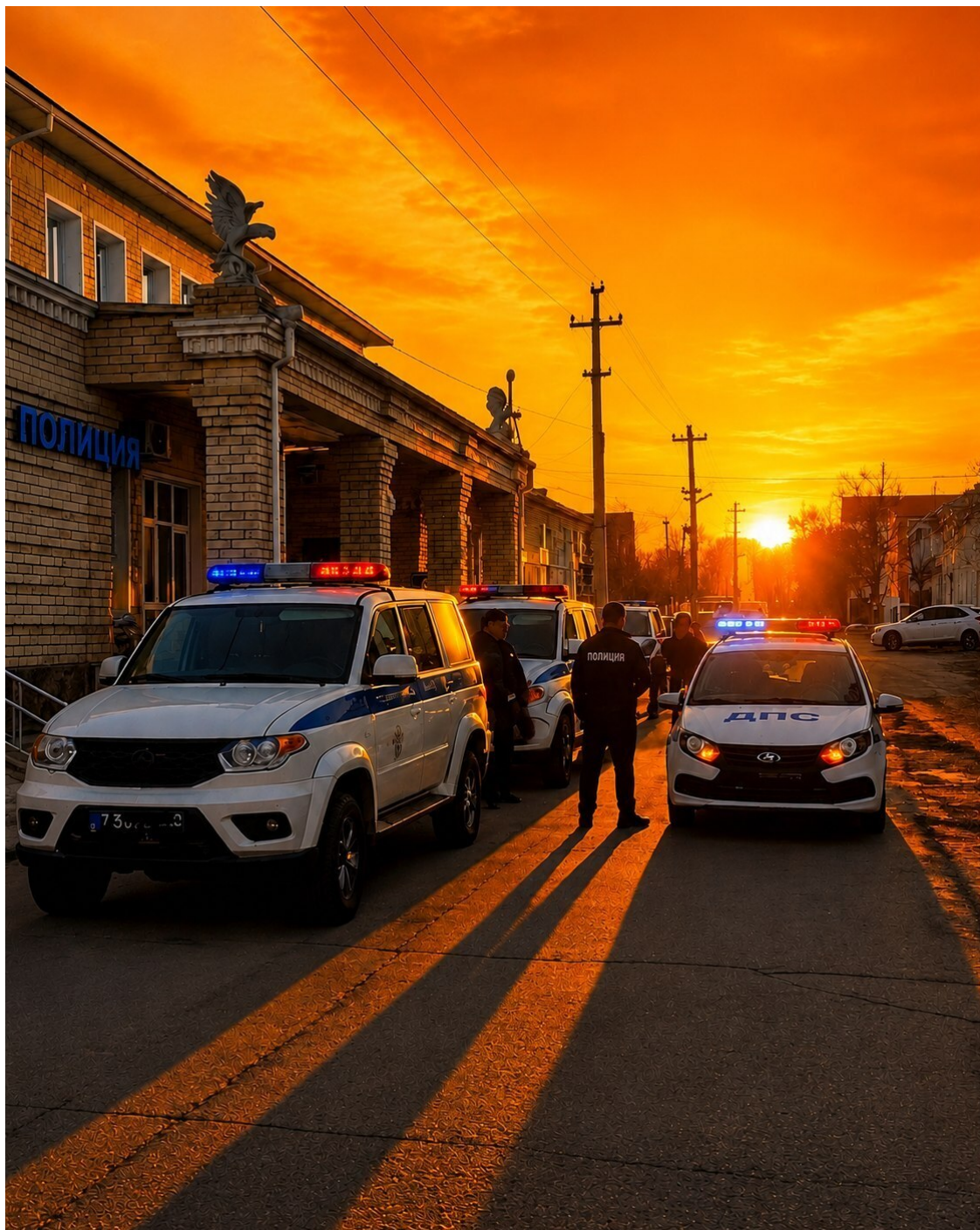
Важно понимать, что любое сходство, которое читатель может обнаружить между персонажами и реальными людьми, между описанными ситуациями и реальными событиями, является случайным и непреднамеренным. Мир, созданный на этих страницах, существует отдельно от действительности, и любые параллели возникают лишь в воображении читателя, который, опираясь на собственный опыт, находит знакомые черты в вымышленных образах. Автор с уважением относится к реальной службе и к тем людям, которые ежедневно выполняют свой долг, и ни в коем случае не стремится каким-либо образом исказить или принизить значение их работы. Напротив, через призму художественного вымысла он пытается показать, насколько сложной, ответственной и многогранной может быть эта профессия, какие внутренние и внешние конфликты приходится преодолевать сотрудникам, и какую цену порой приходится платить за верность долгу.

Цель этого повествования — не информировать, а вдохновлять, не инструктировать, а волновать. Оно призвано пробудить воображение, заставить задуматься о вечных вопросах — о справедливости, ответственности, выборе между личным и общественным, о цене человеческих решений. И если среди читателей найдётся хотя бы один человек, который, закрыв последнюю страницу, почувствует, что мир стал чуть интереснее, а жизнь — чуть глубже, значит, труд автора был не напрасен. Пусть эта история останется в памяти не как отражение реальности, а как окно в иной мир, где обыденное переплетается с удивительным, а человеческие чувства оказываются сильнее любых обстоятельств.

Поэтому ещё раз хочется подчеркнуть: перед вами — художественное произведение, свободное от обязательств перед документальностью, но связанное с реальностью тонкими нитями узнаваемых эмоций и ситуаций. Это полёт фантазии, который приглашает читателя вместе с автором отправиться в путешествие по миру, где строгие правила службы соседствуют с необъяснимыми явлениями, а за каждым поворотом может скрываться нечто большее, чем кажется на первый взгляд. И пусть эта история живёт своей жизнью, не претендуя на истину в последней инстанции, а даря взамен нечто более ценное — возможность пережить сильные эмоции и увидеть привычные вещи под новым углом.

Полицейский между двух миров

Глава 1 :Знакомство с главным героем

На дворе неспешно разворачивался 2023 год — лето, та самая жаркая пора, когда воздух будто плавился от зноя, а тени становились желанным убежищем. Мы с моими верными товарищами, плечом к плечу, заступали в наряд на развод — момент, одновременно привычный и волнительный, словно каждый раз заново проверяющий нас на прочность. Погода стояла просто невероятная: солнце палило так, что асфальт дымился, а небо было пронзительно-голубым, без единого намёка на облака. Это была та самая жара, которая не просто согревает, а проникает под кожу, заставляя сердце биться чуть быстрее.

Ответственным за развод был капитан Хорошун — мужчина с твёрдым взглядом и репутацией человека, который не терпит ни малейшей небрежности. Ещё задолго до начала развода он стоял в курилке вместе с полковником Пещеревым. Два офицера, два характера, сплетённые в неторопливой беседе, которая, казалось, могла длиться вечно. Они обсуждали, где лучше было бы порыбачить — в тихих заводях за городом, где вода шепчет что-то своё, или на широкой реке, где течение играет с удочкой, словно испытывая терпение рыбака. А потом разговор плавно перетёк к коньяку — к тому самому, что согревает не только тело, но и душу, к паре стопок хорошего напитка, после которых все тревоги кажутся мелкими и незначительными. В их голосах слышалась усталость от бесконечных будней и тихая мечта о покое, о тех редких минутах, когда можно просто быть собой, без погон и ответственности.

Стоя на разводе, я ловил себя на мысли, что думаю только о том, как бы поскорее уйти отсюда. Не то чтобы я не уважал службу — уважал, и даже очень, — но эти долгие минуты, когда нужно стоять по стойке «смирно», слушать замечания руководства и чувствовать на себе пристальные взгляды старших по званию, всегда давались мне нелегко. Особенно когда речь заходила о кантиках — этих строгих линиях, которые должны быть идеально ровными, словно вычерченными по линейке. Каждый недочёт, каждая крошечная неровность становилась поводом для строгого выговора, и я в глубине души надеялся, что сегодня обойдусь без лишних нравоучений.

Мне предстояло заступить на 84-й пост — место, которое я знал как свои пять пальцев, но которое каждый раз преподносило какие-то новые сюрпризы. Со мной были два стажёра — молодые, ещё немного растерянные парни, для которых каждый день на службе был уроком, и старший сержант Заскалько, с которым мы были знакомы уже много лет. Наши пути пересекались не только на службе, но и за её пределами, и я с лёгкой грустью вспоминал те времена, когда мы могли посидеть где-нибудь в тихом уголке, поговорить по душам и просто отдохнуть от всей этой суеты. Но жизнь внесла свои коррективы: мой переезд на новое место, новые заботы, а главное — жена, которая, хоть и понимала всю тяжесть моей работы, всё же была категорически против моих посиделок. Её слова «не дай бог что случится» звучали в моей голове каждый раз, когда я думал о том, чтобы нарушить этот негласный запрет.

После того как капитан Хорошун, словно опытный скульптор, дотошно прорабатывающий каждую деталь, докапался до наших двух стажёров за то, что у них были неправильно нацелены шевроны, ситуация стала ещё более напряжённой. Один из стажёров, видимо, в спешке или от волнения, надел под офисный китель футболку, которая была не просто белой, а слишком белой — такой, что она буквально слепила глаза и явно не соответствовала уставу. Капитан, не скрывая своего раздражения, отошёл от нас, бросив через плечо фразу, которая звучала одновременно как угроза и как обещание: «Я научу вас жить по уставу». Его голос был твёрдым, почти стальным, и в нём слышалась решимость сделать из этих молодых парней настоящих профессионалов, даже если для этого придётся пройти через сотню таких вот мелких, но важных уроков.

Он встал по центру, словно дирижёр перед оркестром, и начал проверять у нас обязанности полицейского — те самые, что мы знали наизусть, но которые в такие моменты почему-то предательски ускользали из памяти. Затем последовала проверка спецсредств: дубинок, наручников, раций — всего того, что должно быть не просто на месте, а в идеальном состоянии, готовым к использованию в любую секунду. Хорошун был нормальным капитаном — справедливым, требовательным, но не жестоким. Правда, если у него не было настроения, он мог

достать весь строй своими придирками, и тогда даже самый незначительный недочёт становился поводом для долгой лекции о дисциплине и порядке.

«Сегодня, если кто-то увидит, кроме 84-го, какую-нибудь бухающую личность или кого-либо ещё, кто нарушает порядок, — ведите это чудо в отдел, поможем им разобраться», — произнёс он медленно, подкуривая сигарету. Его слова звучали не как приказ, а как предупреждение, словно он заранее знал, что день будет непростым и что нам придётся столкнуться с чем-то, что потребует от нас не только профессионализма, но и выдержки. Дым от сигареты поднимался вверх, растворяясь в горячем воздухе, и на мгновение казалось, что даже время замедлило свой ход.

«Равняйся! Смирно! К несению службы, разойдись!» — скомандовал капитан, и его голос, громкий и властный, эхом разнёсся по плацу. Закончив свою пламенную речь, которая, возможно, и не была длинной, но точно была насыщенной смыслом, строй медленно стал расходиться. Каждый из нас шёл своей дорогой, но в тот момент мы все были частью одного целого — единого механизма, который должен был работать слаженно и чётко.

Выйдя на улицу и крепко сжав в руках папку с протоколами, мы окунулись в атмосферу города, который жил своей жизнью, не обращая внимания на наши тревоги и заботы. Мы начали проходить по знакомым ранее местам, и каждый уголок, каждый дом, каждый переулок словно приветствовал нас, напоминая о том, сколько всего мы здесь видели и пережили. Природа не просто росла — она цвела, буйно и щедро, словно хотела подарить нам хоть немного красоты в этом непростом мире. Воздух был наполнен ароматами цветов — нежными, сладковатыми, чуть пряными, — и эти запахи смешивались с запахом нагретого асфальта и далёких выхлопов машин, создавая ту самую неповторимую симфонию лета, которую можно почувствовать только здесь и только сейчас.

Патрулируя улицы нашего города, мы сталкивались с людьми, которых раньше никогда не видели. Каждый прохожий был отдельной историей, отдельной судьбой, и порой казалось, что достаточно одного взгляда, чтобы понять, что скрывается за этим лицом. Но мы шли дальше, выполняя свою работу, стараясь быть не просто наблюдателями, а теми, кто может помочь, если это понадобится. И вот, по прибытии за угол, мы обнаружили первый протокол — тот самый момент, когда рутина службы сталкивалась с реальностью, требующей от нас действий.

«Здравия желаю, инспектор постовой службы, младший лейтенант полиции Костырко Сергей Дмитриевич!» — чётко и громко произнёс я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно и спокойно. Пьяный мужчина, который до этого, казалось, был полностью погружён в свои мысли, резко повернулся к нам лицом. Его взгляд был немного затуманенным, но в нём всё же мелькнуло что-то вроде понимания того, что сейчас происходит.

«Здравствуйте, ребята, вы извините, ну так получилось, оно само так вышло. Жена послала в гараж за огурчиками, а тут она стояла, ну как не взять такое», — пробормотал он, пытаясь одновременно оправдаться и сохранить хоть какое-то достоинство. В его словах слышалась не столько наглость, сколько отчаяние человека, который понимает, что попал в неприятную ситуацию, и теперь ищет любой способ её сгладить.

«Вы понимаете, что находитесь в пьяном состоянии в общественном месте?» — спросил старший сержант Заскалько, поправляя свою фуражку на голове. Его жест был почти машинным, но в нём чувствовалась привычка держать себя в руках, даже когда ситуация казалась

нелепой. Голос сержанта звучал строго, но без злобы — скорее как напоминание о том, что есть правила, которые нужно соблюдать, независимо от обстоятельств.

«Да, понимаю я всё. Давайте решим всё тут, я оплачу штраф, только, пожалуйста, не говорите жене ничего», — взмолился мужчина, и в его глазах мелькнула надежда на то, что мы сможем как-то обойтись без лишних формальностей. В этот момент он казался не нарушителем, а просто человеком, который оступился и теперь отчаянно хочет исправить свою ошибку.

Записав протокол и найдя понятого, мы отпустили гражданина домой — туда, где его, возможно, ждала жена, не подозревающая о том, какой поворот принял этот обычный день. Он ушёл, прижимая к себе банку с огурцами, словно она была не просто банкой, а символом того, что всё ещё можно исправить, что жизнь продолжается, несмотря на все наши промахи и ошибки. И мы остались стоять на улице, вдыхая аромат лета и понимая, что впереди нас ждёт ещё много таких дней — дней, когда нужно быть и строгим, и понимающим, и когда каждая мелочь может стать частью большой истории.

Пройдя знакомые улицы, по которым мы с напарником ходили сотни раз подряд — буквально каждый день, будто вышагивая одну и ту же бесконечную петлю городского ритма, — мы шли дальше и дальше, проходя наш привычный маршрут. Асфальт под ногами был нам знаком до последней трещины, каждый поворот отзывался в памяти чередой однотипных дней: проверки дворов, беседы с местными, фиксация мелочей, из которых потом складывались отчёты. Город казался одновременно чужим и родным — будто старый товарищ, с которым давно не о чем говорить, но всё равно привычно идти рядом.

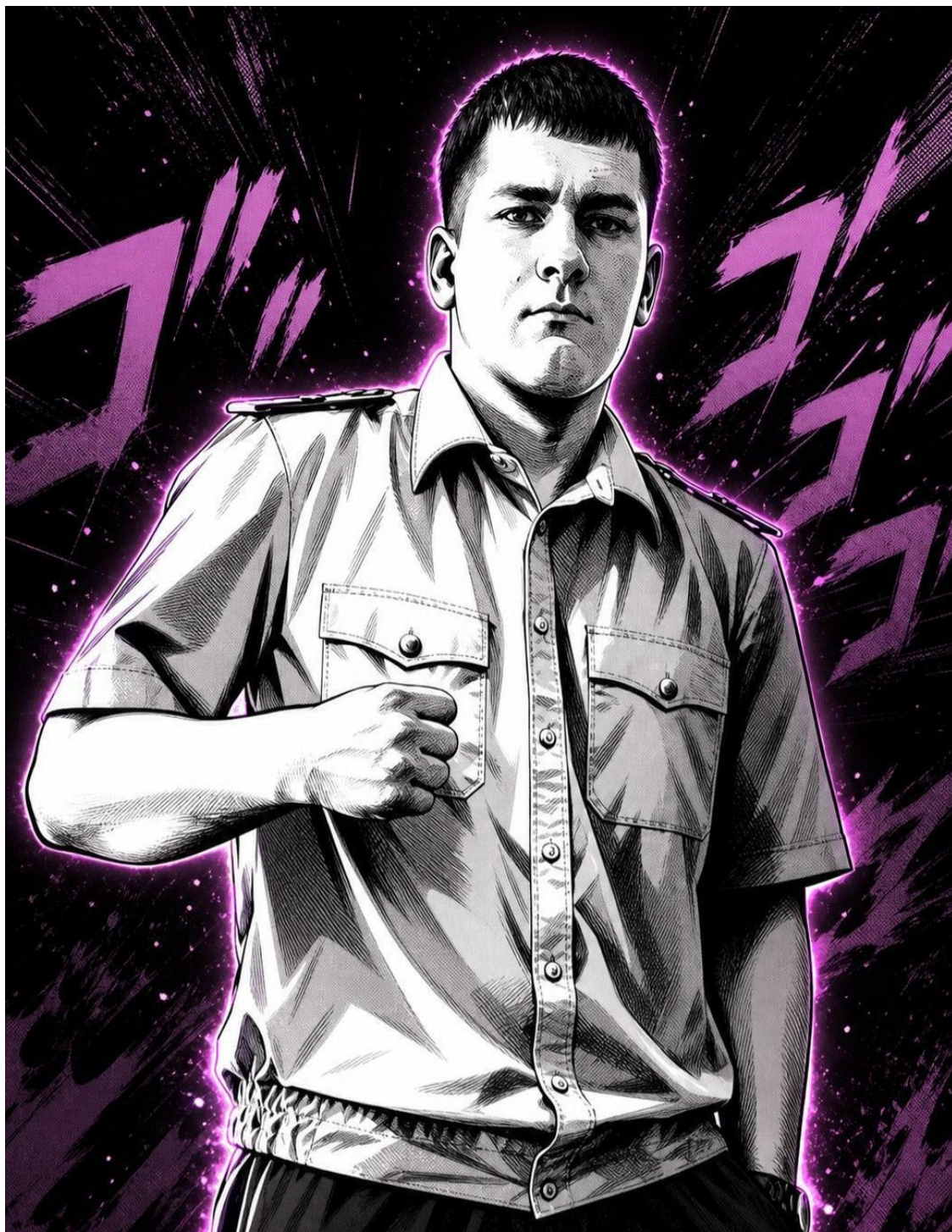
Внезапно тишину, нарушаемую лишь шарканьем наших уставших ботинок и редким гудением проезжающих машин, разорвал резкий звук входящего вызова. Я машинально дёрнулся, будто от удара током, и вытащил телефон, уже догадываясь, кто может звонить в такой час. На экране высветилось: «Бельская В. С., начальник кадров». Сердце неприятно ёкнуло — звонки от полковника Бельской никогда не сулили ничего хорошего. Обычно это означало либо срочную бумажную волокиту, либо внезапную проверку, либо очередную головомойку за какой-нибудь пустяк, который в её глазах становился преступлением против устава.

— Слушаю, товарищ полковник, — произнёс я, стараясь вложить в голос максимум собранности и уважения, хотя внутри всё сжималось от предчувствия неприятностей.

Голос Валерии Сергеевны, строгий, чёткий, без лишних эмоций, прозвучал в трубке, как удар хлыста:

— Младший лейтенант, мне нужны выписки из приказов. И не тяните — сегодня до конца смены.

Я сглотнул, покосился на Заскалько, который, уловив суть разговора, лишь тяжело вздохнул и закатил глаза. Мы оба знали: если Бельская что-то требует, это не просьба, а приказ, который нужно выполнить любой ценой. Даже если для этого придётся перевернуть весь архив вверх дном и просидеть за бумагами до глубокой ночи.

— Так точно, товарищ полковник. Сделаем, — коротко ответил я, уже мысленно представляя, сколько времени уйдёт на поиски нужных документов.

— И ещё, — добавила она чуть мягче, будто вспомнив, что мы тоже люди, а не просто винтики в механизме системы, — не забудьте проверить форму. У Хорошуна сегодня настроение хуже обычного, будет цепляться к каждой мелочи.

Связь оборвалась, оставив после себя короткий писк, который на секунду показался мне насмешливым эхом всей нашей службы.

Мы ускорили шаг, чувствуя, как с каждым метром нарастает напряжение. Полковник Бельская, при всей своей строгости, была, как ни странно, почти эталоном справедливости в нашем отделе. Она требовала дисциплины, но не унижала, проверяла внешний вид и исполнение обязанностей, но делала это без злорадства. По сравнению с капитаном Хорошуном, который словно получал удовольствие от того, чтобы находить недостатки и выговаривать за них при всех, Валерия Сергеевна казалась почти доброй — если, конечно, вообще можно применить слово «добрый» к человеку в погонах, который ежедневно имеет дело с хаосом улиц и бюрократией кабинетов.

Придя в отдел, мы прошли по длинному, выцветшему коридору, стены которого были увешаны старыми плакатами, выцветшими фотографиями с учений и таблицами графиков дежурств. Здесь пахло пылью, дешёвым кофе и чем-то неуловимо тяжёлым — будто сам воздух был пропитан усталостью и нервозностью людей, которые годами ходили по этим коридорам, стараясь не сломаться под грузом ответственности.

По коридору стояла мёртвая тишина, которая так и пугала своей неестественностью. В полицейском отделе тишина — это всегда предвестник чего-то нехорошего. Либо случилось что-то серьёзное, и все заняты делом, либо надвигается буря в лице разъярённого начальства, либо просто день тянется так медленно, что даже часы на стене будто замерли. Эта тишина давила на уши, проникала под кожу, заставляла невольно прислушиваться к каждому шороху, к каждому скрипу старого паркета.

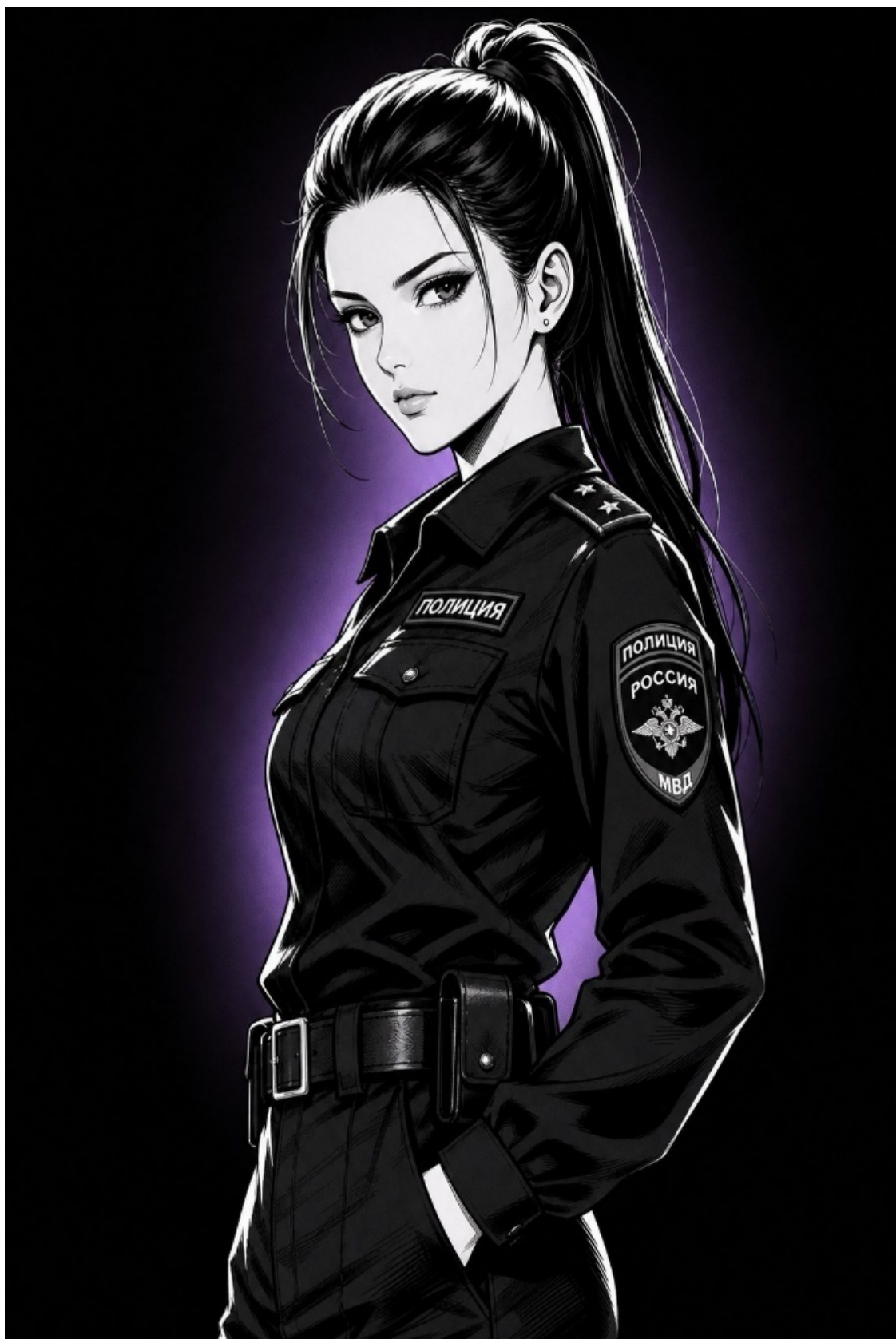
Подойдя к кабинету полковника Бельской, я глубоко вдохнул, пытаюсь унять дрожь в пальцах, и постучал — сначала неуверенно, потом, собравшись с духом, громче. Из-за двери послышался тихий, размеренный говор Валерии Сергеевны — она, как всегда, занималась своей работой, разбирая стопки бумаг, подписывая документы, вникая в каждую строчку, потому что знала: любая ошибка может стоить кому-то карьеры, а кому-то — свободы.

— Войдите, — прозвучал её голос, спокойный, но не допускающий возражений.

Мы тихо вошли в её кабинет, стараясь не шуметь, будто боялись нарушить хрупкое равновесие этого маленького островка порядка среди хаоса отдела. Кабинет был небольшим, но удивительно уютным, несмотря на строгость обстановки. На стенах висели грамоты, фотографии с торжественных мероприятий, а на столе, среди вороха бумаг, стояла маленькая фотография в рамке — Валерия Сергеевна с дочерью, улыбающаяся, совсем не похожая на ту суровую полковницу, которую знали все в отделе.

Отдав воинское приветствие, мы замерли, ожидая разрешения. Полковник подняла на нас усталые, но внимательные глаза, кивнула, разрешая сесть на стулья, и принялась тихо, но пристально рассматривать наш внешний вид. Её взгляд скользил по форме, отмечая каждую мелочь: правильность погон, чистоту пуговиц, состояние обуви. Это была не просто проверка — это ритуал, часть той невидимой дисциплины, которая держала отдел на плаву.

— Что-то туфли у вас, товарищ младший лейтенант, не блестят, как у кота яйца, — сказала Валерия Сергеевна с едва заметной насмешливой искрой в глазах, и в этой фразе было столько будничности, что напряжение, сковывавшее меня, немного отпустило.

Я невольно опустил взгляд на свои ботинки, которые и правда выглядели не лучшим образом — пыль улиц, грязь дворов и бесконечные пешие патрули сделали своё дело.

— Товарищ полковник, только с пешего патруля зашли, — объяснил я, стараясь говорить спокойно, без оправданий, просто констатируя факт.

— Да знаю я, — улыбнувшись уголком губ, сказала Валерия Сергеевна, и в её улыбке мелькнуло что-то человеческое, тёплое, будто на мгновение она сбросила с плеч тяжесть звания и стала просто женщиной, которая понимает, каково это — ходить по улицам, чувствуя, как ноги гудят от усталости.

— Спасибо вам за понимание, — тихо ответил я, невольно поправляя фуражку на голове, словно этот жест мог добавить мне уверенности.

Валерия Сергеевна кивнула, снова став серьёзной, и, откинувшись на спинку стула, произнесла:

— К нам переводится один сотрудник со Ставрополя, будет находиться в вашей роте.

Заскалько, до этого молчавший, хмыкнул и пробормотал:

— Вот и отлично, хоть кто-то прибывает к нам на службу.

Но Валерия Сергеевна покачала головой, её лицо стало настороженным, будто она собиралась сообщить не новость, а предупреждение.

— Да ты не спеши радоваться. Нам звонили по нему... Говорят, что он как дьявол.

Я переглянулся с Заскалько — в его глазах читалось то же недоумение, что и у меня.

— В плане что много протоколов делает? — предположил я, пытаюсь найти хоть какое-то рациональное объяснение.

— В плане того, что у него плохая аура. Как он говорит, так и сбывается. Да и человек он такой... пугающий, — сказала Валерия Сергеевна, машинально поправляя косу, будто этот привычный жест помогал ей собраться с мыслями.

В кабинете повисла тишина, густая и тяжёлая, словно воздух внезапно стал плотнее. Слова полковника звучали почти мистически, нелепо в этом мире, где всё должно было подчиняться логике, законам и инструкциям. Но в то же время в них было что-то, что заставляло прислушаться, насторожиться.

— М-да... Тут Хорошуна хватало, и он ещё сюда приедет... Весело нам будет, — протянул Заскалько, потирая нос, и в его голосе слышалась не столько ирония, сколько обречённость человека, который слишком хорошо знает, как могут усложниться будни с появлением нового, непредсказуемого элемента.

Я молча кивнул, чувствуя, как внутри шевелится неприятное предчувствие. Ещё один человек, ещё одна переменная в и без того сложной системе, где каждый шаг, каждое слово могло иметь последствия. И если Валерия Сергеевна, человек, привыкший полагаться на

факты и логику, говорила о «плохой ауре» и сбывающихся словах, значит, в этом новом сотруднике было что-то такое, что выходило за рамки обычного.

Мы сидели в кабинете, окружённые стопками бумаг, фотографиями и тишиной, которая теперь казалась не просто отсутствием звуков, а чем-то живым, внимательным, будто сама комната прислушивалась к нашим мыслям. Впереди нас ждал не просто новый сослуживец — а новая глава в жизни роты, и никто из нас не знал, какой она будет: тяжёлой, опасной или, может быть, неожиданно спасительной. Но одно было ясно: скучать точно не придётся.

Выходя из кабинета Бельской, я поправил свой уставший китель — на плече ткань чуть вытянулась от того, что я весь день то и дело тянулся к рации, а на рукаве осталась едва заметная белесая полоса: видимо, задел плечом пыльную стену в коридоре, пока мы с Заскалько торопились к полковнику. Я на секунду задержался у двери, прислушиваясь к звукам отдела: где-то далеко хлопнула дверь, по коридору простучали быстрые шаги, а из дежурки доносился привычный гул голосов и треск радиосвязи. Всё это было до боли знакомо, как старая мелодия, которую слышишь каждый день, но всё равно узнаёшь по первым нотам.

Я посмотрел по сторонам, будто надеялся выцепить из этой привычной картины хоть что-то новое, какое-то предзнаменование, связанное с тем самым новым сотрудником, о котором мы мало что знали. В голове снова всплыли слова Бельской: «Как он говорит, так и сбывается». Странная фраза, почти нелепая в стенах отдела, где всё держится на инструкциях и приказах. Но в ней было что-то, что не давало покоя, как заноза под кожей — не видно, а мешает. Мы знали о нём совсем немного, но этого хватало, чтобы внутри шевелилось неприятное предчувствие. В нём был какой-то интересный талант, который мог сделать пользу для нашего города, но мог и натворить бед, перевернуть всё с ног на голову, как внезапный шторм переворачивает спокойную реку.

Выйдя вновь на улицу, я наконец позволил себе короткую передышку. Вечер уже не давил жарой, как днём, но воздух всё ещё хранил тепло раскалённого за день асфальта, и это тепло было каким-то уютным, почти домашним. Я закурил сигарету, прикрывая зажигалку ладонью от лёгкого ветра, который вдруг поднялся и пробежал по улице, шевеля листья тополей у обочины. Дым поднимался вверх, смешиваясь с вечерними сумерками, и на мгновение всё вокруг будто замерло: шум машин стал тише, голоса прохожих — дальше, и осталась только эта короткая пауза между службой и домом.

В голове крутилась простая, почти детская мысль: туда-сюда, уже и смена закончится, и впереди — дом, где меня ждёт моя любимая жена Ольга. Я представил, как она сейчас ходит по кухне, время от времени поглядывая на часы, будто проверяя, не пора ли ставить чайник. Она уже собиралась готовить ужин, и от одной этой мысли на душе становилось теплее. Мой любимый рис в курином бульоне, такой нежный, что тает во рту, и её вкусная жареная рыбка, хрустящая снаружи и сочная внутри. Этот рецепт ей когда-то передала тёща, и Ольга до сих пор готовила его так, как учили, с той самой внимательностью, с которой делают что-то важное. Иногда она тихонько напевала себе под нос, когда стояла у плиты, и этот тихий мотив был для меня самым родным звуком в мире.

Пока я стоял и курил, перед глазами вдруг всплыла одна мелочь: в прихожей дома на вешалке висит мой старый свитер, немного растянутый, но такой уютный, что я надевал его даже летом, если вечером становилось прохладно. И ещё — на подоконнике стоит маленький горшок с геранью, который Ольга бережёт, как сокровище, и каждый раз, когда я возвращаюсь

со смены, она спрашивает: «Ну, как там наша герань? Не завяла без меня?» И я каждый раз улыбаюсь и говорю, что она цветёт, хотя иногда и правда кажется, что листья чуть поникли. Эти мелочи, такие простые и незаметные, вдруг становились самыми важными, когда день был тяжёлым и длинным.

Вернувшись в инспекторскую, я сел за стол, чувствуя, как приятно холодит спину работающий кондиционер. Он гудел тихо, но уверенно, разгоняя душный воздух, и этот прохладный поток обдувал наши потные от работы лица, принося долгожданное облегчение. Заскалько сидел напротив, склонившись над бумагами, и время от времени потирал шею, будто пытался снять накопившееся напряжение. На столе перед ним стояла наполовину пустая чашка остывшего кофе, а рядом лежала ручка, которую он то и дело крутил между пальцами, когда задумывался.

Дописывая рапорт о проделанной работе, я облокотился о спинку стула и на секунду прикрыл глаза. В голове крутились сухие строчки: «проведено патрулирование», «выявлено нарушение», «составлен протокол». Эти слова казались такими далёкими от настоящей жизни, от запаха нагретого асфальта, от дрожащих рук пьяного мужчины с банкой огурцов, от усталых глаз стажёров, которые сегодня впервые по-настоящему почувствовали, что такое служба. Я думал о том, как приду домой, смою с себя весь этот день, всю эту пыль, пот и напряжение, как горячая вода смоет усталость, а потом я наконец-то обниму свою жену и просто постою так, ни о чём не думая, чувствуя, что я дома, что всё хорошо.

Восемь часов вечера. Мы закрыли кабинет, проверив, всё ли на месте, и вышли на лестницу, направляясь к комнате приёма и сдачи оружия. Лестница была старой, с потёртыми ступенями, и каждый шаг отдавался глухим звуком, который эхом разносился по пустому пролёту. В воздухе пахло старой краской и чем-то неуловимо канцелярским — запахом бумаги, пыли и бесконечных отчётов. Сдав свой табельный пистолет, я на секунду задержался, привычным движением проверив, всё ли в порядке, и почувствовал знакомое спокойствие: оружие на месте, смена почти закончена, можно выдохнуть.

Выйдя на улицу, я повернулся в сторону старшего сержанта Заскалько и попрощался с ним, пожав его уставшую руку. Его ладонь была твёрдой, чуть шершавой, и в этом рукопожатии было больше слов, чем в любых прощальных фразах. Мы не говорили ничего лишнего, не обещали друг другу ничего, кроме того, что завтра снова встретимся на разводе, снова будем стоять плечом к плечу и делать свою работу. Заскалько кивнул, чуть улыбнулся уголком губ, развернулся и пошёл своей дорогой, растворяясь в вечерних сумерках.

Как только мы отошли друг от друга, я открыл свою старенькую, но бодрую машину. Она повиновалась не сразу: сначала щёлкнула замком, потом тихонько скрипнула дверью, словно ворчала на то, что её заставляют работать так поздно. Я сел в неё, облокотившись на сиденье, и на секунду просто посидел, прислушиваясь к себе. В салоне пахло кожей, немного бензином и ещё чем-то своим, родным, что бывает только в машине, на которой проехал тысячи километров. Ключ повернулся в замке зажигания, мотор заурчал, сначала неуверенно, а потом ровно и спокойно, будто тоже был рад, что рабочий день наконец-то закончился.

Доехав до своей квартиры, я медленно вышел из машины, ощущая, как с каждым шагом тяжесть прошедшего дня понемногу оседает где-то позади, растворяется в тёплом летнем воздухе, пропитанном запахом нагретого асфальта, цветущей липы и едва уловимой сладостью спелых ягод — будто город сам решил подсластить мне возвращение. Город вокруг жил своей

привычной жизнью: где-то хлопали двери подъездов, вдалеке тяжело и ритмично гудел грузовой локомотив, а из приоткрытых окон доносились обрывки разговоров, смех, тихий плач ребёнка — всё это сливалось в тот самый городской гул, который я так хорошо знал, к которому привык, который стал почти родным, несмотря на всю его суету и неровность. Низкий, густой гул локомотива будто задавал городу свой неторопливый ритм — размеренный, мощный, напоминающий о том, что где-то совсем рядом течёт большая железная жизнь, связывающая города и судьбы.

Я поднялся по ступеням старого подъезда — каждая из них помнила десятки шагов, сотни историй, тысячи судеб, промелькнувших мимо, не оставив следа, кроме едва заметной потёртости на камне. Стены, выкрашенные когда-то в спокойный бежевый цвет, теперь хранили на себе лёгкие следы времени: едва заметные трещины, потускневшие пятна, надписи, давно потерявшие смысл, но всё ещё цепляющие взгляд, словно шёпот прошлого, который хочется расслышать, но не получается. Свет в подъезде был приглушённым, тёплым, немного дрожащим — лампочка, видимо, вот-вот собиралась сдаться, помогать в последний раз и погаснуть, оставив лестничные пролёты в полумраке, привычном и даже уютном. А за приоткрытой форточкой где-то на втором этаже тянуло запахом жареных кабачков и свежей зелени — лето щедро делилось своими ароматами даже в этом замкнутом пространстве.

Поднявшись к почтовому ящику, я на мгновение замер, глядя на его потёртую металлическую поверхность, на царапины, оставленные ключами, на едва заметную ржавчину по краям — он был полон, переполнен письмами, газетами, рекламными листовками, которые кто-то аккуратно, а кто-то небрежно засовывал внутрь, не задумываясь о том, что для кого-то эти бумажки могут значить больше, чем кажется. Я провёл пальцами по холодному металлу, чувствуя, как прохлада неожиданно приятно контрастирует с уличной жарой, напоминая о реальности, о том, что день ещё не закончился, что впереди — ещё несколько мелких, но обязательных дел, ещё несколько строк, которые нужно прочитать, ещё несколько решений, которые придётся принять. Но сейчас, в эту секунду, мне хотелось просто постоять здесь, в этом полумраке старого подъезда, и дать себе минуту тишины, минуту, чтобы перевести дыхание, прежде чем шагнуть дальше, в тепло собственной квартиры, в пространство, которое принадлежало только мне.

Пройдя на третий этаж, я остановился у своей двери, на секунду задержав руку на холодной металлической ручке, словно проверяя, готов ли я войти, готов ли оставить за спиной всё то, что осталось снаружи — шум города, тяжесть службы, чужие взгляды, чужие ожидания. Ключ мягко скользнул в замок, щёлкнул, и этот звук, такой привычный, такой родной, прозвучал для меня как тихая музыка, как обещание покоя, как знак того, что я дома. Дверь тихо открылась, впуская меня в знакомый коридор, в пространство, наполненное не просто вещами, а воспоминаниями, ощущениями, запахами, которые мгновенно возвращали меня к себе, к тому, кто я есть, когда с меня спадает форма, когда исчезают роли и остаются только чувства.

И тут меня накрыл тот самый запах — тёплый, густой, обволакивающий, словно мягкое одеяло, укутывающее с головы до ног. Это был запах тех самых блюд, о которых я мечтал с самого утра, когда ещё только собирался на службу, когда город был тихим, почти безлюдным, а воздух — свежим и прохладным, напоённым ароматом цветущих лип и скошенной травы. В этом запахе было всё: и нежность Ольги, и её забота, и та невидимая нить, которая связывала нас, делая мой день чуть светлее, даже если вокруг всё было серым и тяжёлым. Он проникал в каждую клеточку, прогонял усталость, смывал напряжение, возвращал силы, которых, казалось, уже не осталось.

Зайдя в квартиру, я снял китель — тяжёлый, пропитанный запахом улицы, горячего металла, бензина, чужих разговоров и летнего зноя. Он соскользнул с плеч почти сам, словно тоже устал, словно ему тоже хотелось отдохнуть от этого дня. Я аккуратно повесил его на вешалку, рядом с тем самым свитером — мягким, уютным, связанным Ольгой, который она просила надевать в прохладные вечера, когда летний день вдруг сменялся внезапной свежестью и небо затягивалось тучами. И на секунду я остановился, замер, вдыхая этот домашний запах — запах уюта, заботы и любви, который был не просто смесью ароматов еды, ткани и дерева, а чем-то гораздо большим, чем-то, что нельзя описать словами, но можно почувствовать каждой клеточкой. В нём была тишина, в нём была безопасность, в нём было то самое «моё», ради чего стоило возвращаться каждый вечер, несмотря ни на что.

Ольга подошла ко мне — тихо, почти бесшумно, как она всегда умела, словно чувствовала, когда мне нужно было просто почувствовать её рядом, без лишних слов. Она обняла меня, крепко, но бережно, так, будто знала, сколько сил ушло у меня за этот день, сколько невидимых ран осталось на душе, сколько тяжёлых мыслей пришлось пронести через весь город, через все улицы, через все встречи. И в этом объятии было всё: и усталость дня, которая наконец-то могла найти своё место, осесть, раствориться в её тепле; и радость встречи, тихая, но глубокая, как река, которая течёт спокойно, но мощно; и та самая тихая уверенность, которая

согревала лучше любого одеяла, — уверенность в том, что, несмотря ни на что, у меня есть место, где меня ждут, где меня любят, где я нужен не за свои заслуги, не за свою форму, не за то, кем я являюсь на службе, а просто за то, что я — это я.

Мы сели за стол — за тот самый стол, за которым столько вечеров провели вместе, обсуждая всё на свете: от самых простых вещей, вроде того, какой чай вкуснее — с мятой или с лимоном, — до самых сложных, тех, о которых не расскажешь никому, кроме самого близкого человека. Стол был накрыт просто, но с любовью: тарелка с горячим, чашка с чаем, хлеб, нарезанный ровными ломтиками, соль и перец на своих привычных местах, а рядом — миска с крупной, сочной клубникой, только что принесённой с рынка. И в этой простоте было столько тепла, столько заботы, что любая роскошь показалась бы лишней, ненужной, холодной.

Пока Ольга рассказывала, как прошёл её день, я слушал, кивал, иногда вставлял короткие фразы, делился парой деталей о своём дне, но больше всего мне нравилось просто сидеть рядом и знать, что этот вечер — мой, что он принадлежит только нам. За окном тянулся длинный летний закат, окрашивая небо в мягкие оттенки розового и золотистого, а воздух был таким прозрачным и лёгким, будто сам мир решил сегодня быть добрее. Сквозь приоткрытую форточку тянуло тёплым ветром, пахнувшим скошенной травой и далёкими полями, и казалось, что лето обнимает нас даже сквозь стекло. Где-то вдали снова глухо и мощно прогудел грузовой локомотив — этот звук уже не нарушал покой, а словно вплетался в него, становился частью нашего тихого вечера, напоминая, что мир большой, но прямо сейчас самое важное — здесь, в этой кухне, рядом с Ольгой.

Позже, когда ужин закончился, мы сидели на кухне, пили чай и смотрели в окно, за которым наблюдали за проездом поездов. Где-то далеко мигали огни, где-то проезжали редкие машины, а здесь, в нашей маленькой кухне, было тихо и спокойно. Я думал о новом сотруднике, о его странной способности, о том, что завтра начнётся что-то новое, но сейчас мне не хотелось об этом думать. Сейчас мне хотелось просто быть здесь, с Ольгой, чувствовать тепло её руки и знать, что, что бы ни случилось завтра, сегодня у меня есть этот вечер, этот дом и эта любовь, которая помогает пережить любые штормы.

Ложась на свою прохладную кровать, которую Ольга Сергеевна под вечер аккуратно заправила, я на мгновение замер, впитывая эту тихую, почти сокровенную атмосферу нашего дома. Простыня, едва тронутая вечерним холодом, пахла свежестью и чем-то неуловимо родным — будто в этот запах впитались все спокойные вечера, когда мы просто сидели рядом, не торопясь говорить, и слушали, как за окном постепенно стихает город. Я медленно опустился на кровать, чувствуя, как напряжение дня понемногу покидает тело, растворяясь в этой уютной прохладе.

Слушая, как где-то вдалеке едет приближающийся к нашей станции поезд, я отчётливо различал каждый его звук: сначала едва уловимый гул, потом нарастающий рокот, переходящий в ритмичный перестук колёс по рельсам. Этот звук был мне так знаком, что казался почти частью нашего быта, словно метроном, отсчитывающий минуты нашего тихого счастья. Оля, чутко прислушиваясь к этому привычному ритму, тихо подошла к окну, осторожно прикрыла створку, будто стараясь удержать внутри комнаты наше маленькое, хрупкое уединение, и затем легла рядом со мной, доверчиво прижимаясь.

Я протянул свою руку, бережно подложил её под её голову, притянул Олю к себе, чувствуя, как её дыхание становится ровнее, спокойнее. Её волосы были невероятно мягкими,

словно шёлковые нити, и пахли тем самым шампунем, который она всегда выбирала — лёгкий цветочный аромат с едва заметной ноткой ванили, который я научился узнавать среди тысяч других запахов. Этот запах мгновенно возвращал меня к самым тёплым воспоминаниям: к первым свиданиям, к долгим прогулкам по ночному городу, когда мы, не замечая времени, говорили обо всём на свете.

Она легла на мою грудь, нежно сжимая мою руку, будто хотела убедиться, что я здесь, рядом, настоящий, не исчезну в этой ночной тишине. Я чувствовал, как её пальцы едва заметно подрагивают, выдавая лёгкое волнение, которое она старалась скрыть. В этот момент не существовало ничего, кроме нас двоих, этого тихого дыхания, мерного биения наших сердец и ощущения полного, абсолютного покоя.

Я нежно проводил своей ладонью по её спине, ощущая под пальцами тонкую ткань её ночной рубашки и едва заметную дрожь, пробежавшую по её телу от моих прикосновений. В голове не было ни одной тревожной мысли, ни одного лишнего слова — всё, о чём я когда-либо мечтал, находилось сейчас рядом со мной, дышало в такт моему сердцу, доверчиво прижималось ко мне, и этого было достаточно. Мир за пределами нашей комнаты словно замер, уступая место этому хрупкому, драгоценному мгновению.

Медленно, незаметно для самих себя, мы погрузились в сон, и комната наполнилась глубокой, обволакивающей тишиной, в которой растворились все тревоги и заботы. Это было не просто молчание — это было умиротворение, редкое и драгоценное, словно сама ночь бережно укрыла нас своим тёмным покрывалом, охраняя наш покой.

Очнувшись на утро, я первым делом почувствовал знакомый, едва уловимый аромат её волос и услышал тихое, размеренное посапывание. Оля всё так же лежала на моей груди, доверчиво прижавшись, её дыхание было спокойным и ровным, а на лице застыло выражение безмятежного счастья. Я замер, боясь пошевелиться и нарушить этот идеальный момент, и просто смотрел на неё, стараясь запомнить каждую чёрточку: лёгкий румянец на щеках, едва заметные тени от ресниц на коже, тонкую линию губ, чуть изогнутых в лёгкой улыбке, будто даже во сне она видела что-то хорошее.

За окном стояла пасмурная погода — не угрюмая, а какая-то мягкая, уютная, словно небо специально укутало город в серовато-голубое покрывало, чтобы никто не мешал нам наслаждаться этим утром. Мелкий дождь моросил за стеклом, оставляя на подоконнике крошечные прозрачные капли, которые медленно стекали вниз, рисуя на стекле причудливые узоры. Этот тихий, монотонный стук капель по карнизу звучал как нежная колыбельная, убаюкивающая город и оберегающая наш маленький мир.

Стараясь не потревожить Олю, я медленно приподнялся, бережно переложил её голову на подушку, стараясь сделать это так, чтобы она даже не почувствовала перемены. Её лицо на мгновение чуть сморщилось, будто ей не хотелось расставаться с моим теплом, но затем снова разгладилось, и она продолжила спать, тихо посапывая. Я тихонько встал с кровати, стараясь двигаться бесшумно, и на цыпочках вышел за дверь нашей комнаты, оставив её досматривать свои сны.

Сегодня у меня был выходной — редкий, долгожданный день, который я хотел провести не в суете служебных дел, а в простых, но таких важных вещах: в разговорах с Олей, в совместных прогулках, в приготовлении чего-нибудь вкусного, в тихих минутах, когда можно просто

сидеть рядом и молчать, зная, что тебе не нужно ничего объяснять. Этот день принадлежал только нам, и я собирался сделать его особенным.

Войдя на кухню, я первым делом включил чайник, прислушиваясь к тому, как он сначала тихо шипит, а затем постепенно начинает гудеть, набирая силу. Этот привычный звук почему-то всегда напоминал мне о детстве, о бабушкиной кухне, о тех временах, когда мир казался простым и понятным. Затем я медленно потёр глаза, всё ещё тяжёлые от сна, и вышел на балкон, вдыхая влажный, свежий воздух, пропитанный запахом дождя и мокрой листвы.

Открыв раму балкона, я выглянул на улицу, наблюдая за тем, как город просыпается. Люди спешили по своим делам, прячась под разноцветными зонтиками, которые напоминали яркие пятна на сером фоне утра. Кто-то торопился на работу, кто-то вёл ребёнка в школу, кто-то просто шёл, не глядя по сторонам, погружённый в свои мысли. Поезда проезжали по своим путям, иногда подавая короткие, резкие сигналы, которые эхом разносились по окрестностям, напоминая о том, что жизнь не стоит на месте.

Чайник на кухне уже начал медленно кипеть, издавая тихое, успокаивающее бульканье. Погода, несмотря на дождь, радовала глаз своей особой, осенней красотой — в ней не было ничего кричащего, но было столько уюта и спокойствия, что хотелось просто стоять и смотреть, впитывая каждую деталь. Я стоял на балконе, чувствуя, как прохладный воздух освежает лицо, и понимал, что в этот момент я по-настоящему счастлив — счастлив каждой минутой, проведённой здесь, в этом доме, рядом с теми, кто мне дорог.

Вернувшись на кухню, я заварил кофе с молоком, наслаждаясь тем, как густой, насыщенный аромат напитка постепенно заполняет комнату, смешиваясь с запахом дождя и свежести. Достав из холодильника белый хлеб, мягкий и воздушный, и баночку шоколадного масла, я медленно намазывал его на ломтики, стараясь делать это аккуратно, чтобы масло легло ровным слоем. В эти простые движения я вкладывал всю свою заботу, всё своё желание сделать этот день особенным для нас обоих. Я готовился к тому, что скоро проснётся моя любимая, и мы вместе займёмся теми самыми важными делами, которые на самом деле не требуют никакого плана — просто быть рядом, разговаривать, смеяться, делиться мелочами, которые другим могут показаться незначительными, но для нас были бесценны.

Через полчаса Оля проснулась. Я услышал, как в комнате тихо скрипнула кровать, затем раздались лёгкие шаги, и вскоре она появилась на кухне, слегка взъерошенная после сна, но такая красивая, что у меня на мгновение перехватило дыхание. Она начала расчёсывать свои волосы, глядя на меня с тёплой, искренней улыбкой, в которой было столько нежности и радости, что казалось, будто весь мир стал светлее.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она, глядя на наш с ней завтрак, и в её голосе прозвучали нотки счастья и предвкушения чего-то хорошего.

— Доброе, любимая, — ответил я, улыбнувшись ей в ответ, и в этот момент понял, что ради таких мгновений стоит просыпаться каждое утро, независимо от погоды и настроения.

После нашего завтрака, за чашкой тёплого кофе и ломтиками хлеба с шоколадным маслом, мы долго разговаривали о сегодняшнем дне, делясь своими планами и мечтами, которые, возможно, и не были грандиозными, но были нашими, личными, наполненными теплом и

заботой друг о друге. Мы говорили о том, куда можно сходить, что приготовить на ужин, вспоминали смешные истории из прошлого и строили маленькие, но такие важные для нас планы.

Когда завтрак подошёл к концу, я вышел с кухни, помыв за нами посуду, и пошёл одеваться, чувствуя, как приятное тепло от утреннего разговора всё ещё живёт внутри, согревая даже в прохладный дождливый день. Надев джинсы и чёрную футболку, я почувствовал себя готовым к новому дню, к любым его сюрпризам и неожиданностям.

Оля подошла ко мне, нежно погладила мои волосы, словно хотела запомнить это прикосновение, и села рядом, доставая свою косметичку. В её движениях была такая привычная, уютная обыденность, которая почему-то казалась мне самой большой ценностью в мире. Пока она аккуратно красила брови, я включил телевизор, пробежался по всем каналам, надеясь найти что-нибудь интересное, но, к сожалению, везде мелькали одни и те же передачи, не вызывавшие ни малейшего желания их смотреть. Поняв, что там нечего глядеть, я выключил телевизор, и комната снова наполнилась тишиной, которая теперь не казалась пустой — она была наполнена нашим присутствием, нашими мыслями и чувствами.

— Мда... Даже поглядеть нечего, — сказала Оля, глядя на себя в зеркало и слегка вздыхая, но в её голосе не было раздражения — скорее лёгкая ирония над тем, как иногда будни бывают однообразными.

— И не говори, — ответил я, ложась возле неё и начиная мягко массировать её плечи, чувствуя, как под моими пальцами постепенно уходит напряжение, скопившееся за последние дни.

Как только Оля нарядилась, я вышел на улицу. Проходя через старый подъезд, я на мгновение задержался у окна, глядя на двор, который знал наизусть, и вышел во двор, вдыхая свежий, влажный воздух, который после дождя казался особенно чистым и прозрачным.

Оглядев территорию, я заметил, как капли воды сверкают на листьях деревьев и на мокрой брусчатке, превращая обычный двор в маленькую, но удивительно красивую картину. Со мной поздоровался мой старый сосед, Артём Витальевич Кливцов, с которым мы на прошлой неделе хорошенько съездили на рыбалку на Битюг. Правда, в памяти осталось не так уж много деталей — день слился в одно яркое, счастливое пятно, но я точно помнил, что рыбалка удалась: мы поймали несколько хороших рыб, много смеялись, рассказывали друг другу истории и просто наслаждались тем, что выбрались из городской суеты.

— Ну что, Серёг, когда на рыбалку? — спросил Артём с широкой, искренней улыбкой на лице, и в его глазах читалось то самое предвкушение, которое знакомо каждому настоящему рыбаку.

— Да как-нибудь надо ещё съездить, — ответил я, почесав затылок и слегка улыбнувшись. — Ото тёща спрашивала про рыбку.

Артём рассмеялся, и его смех прозвучал так заразительно, что я невольно улыбнулся в ответ.

— Тёма любит рыбачить, на рыбалке пить водочку, водочка хороша, Тёма радуется, Серёжа улыбается, жена ругается, — выдал он, и мы оба снова рассмеялись, вспоминая, сколько раз эта шутка уже звучала между нами, но от этого не становилась менее смешной.

Просмеявшись, Артём медленно кинул окурок в мусорный бак, аккуратно прицелившись, чтобы не промахнуться, и снова повернулся ко мне, его лицо снова стало серьёзным, но в глазах всё ещё плясали весёлые искорки.

— Слушай, а кто у нас участковый? — спросил он, слегка нахмурившись, и я сразу понял, что речь идёт о той самой проблеме, которая уже давно беспокоила жильцов нашего дома.

— Да вроде Бавыкин, — ответил я, вспоминая фамилию, которую не раз слышал в разговорах соседей.

— Ну дай его номер, ото чёт сосед достал уже, — продолжил Артём, и в его голосе прозвучали нотки усталости и раздражения. — Каждый день приводит кого-то, за стеной постоянно охи да ахи, то музыка в час ночи, то драки в подъезде у нас. Сил уже никаких нет.

Я продиктовал Артёму номер Бавыкина, надеясь, что это хоть немного поможет уладить ситуацию, и мы попрощались с ним. Артём зашёл в подъезд, оставив после себя лёгкий запах табака и ощущение того, что даже в самых обыденных разговорах есть своя, особая правда жизни.

Я пошёл к своей машине, которая стояла во дворе, вся мокрая из-за дождя. Капли воды покрывали её поверхность, словно тысячи маленьких бриллиантов, отражавших тусклый свет пасмурного неба. Каждая деталь машины казалась чуть более выразительной, чуть более живой в этом влажном воздухе.

В этот момент из подъезда вышла Оля в белом и красивом платье, которое облегалo её фигуру, подчёркивая её изящество и нежность. Её щёчки были розовыми от прохладного воздуха, а глаза сияли, словно в них отражалось всё счастье этого дня. Она была безумно красивой, настолько, что на мгновение у меня перехватило дыхание, и я забыл обо всём на свете, кроме того, что она рядом.

Подойдя к машине, я открыл дверь, бережно усадил свою возлюбленную, словно она была самым хрупким и драгоценным сокровищем, и медленно закрыл дверь, стараясь не потревожить это мгновение. Затем сам сел за руль, медленно провернул ключ, и мотор машины резко завёлся, издав тот самый знакомый рык, который всегда придавал уверенности и ощущения, что впереди ждёт что-то интересное.

Воткнув первую передачу, мы плавно тронулись с места, и город начал медленно проплывать за окнами, открывая нам свои привычные, но каждый раз по-новому красивые улицы. Дорога была быстрой, но не стремительной — скорее уверенной, спокойной, словно машина сама знала, куда нам нужно ехать.

Доехав до рынка возле вокзала, мы вышли из машины, и Оля тут же подошла ко мне, взяла меня за руку, её пальцы крепко сплелись с моими, и в этом простом жесте было столько доверия и любви, что казалось, будто никакие бури не смогут нас разлучить.

— Сегодня надо будет приготовить что-то безумно вкусное для нас, — сказала она, глядя на меня с такой искренней радостью, что я сразу понял: неважно, что именно мы приготовим, главное — что мы сделаем это вместе.

Взяв меня за руку, Оля повела меня к рынку, и в этот самый момент солнце, которое всё утро пряталось за плотными серыми тучами, внезапно вышло из-за облаков, заливая всё вокруг тёплым, золотистым светом. Лучи солнца коснулись её волос, превращая их в сияющее полотно, и на мгновение весь мир замер, словно хотел запечатлеть эту идеальную картину: нас двоих, держащихся за руки, и солнце, благословляющее наш день.

Пройдясь по рынку, мы с Ольгой неспешно двинулись вдоль рядов, вдыхая густой, пряный воздух, пропитанный запахом свежей зелени, копчёностей и горячего хлеба. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени ложились на пыльные доски прилавков, придавая всему вокруг какой-то особенный, почти театральный оттенок. Мы поглядывали на цены, приценивались, обсуждали, что лучше взять, а что можно оставить до следующего раза — у нас с Ольгой давно сложилась эта тихая, уютная привычка всё делать вместе, будто даже выбор куска мяса был маленьким общим решением, скрепляющим наш день.

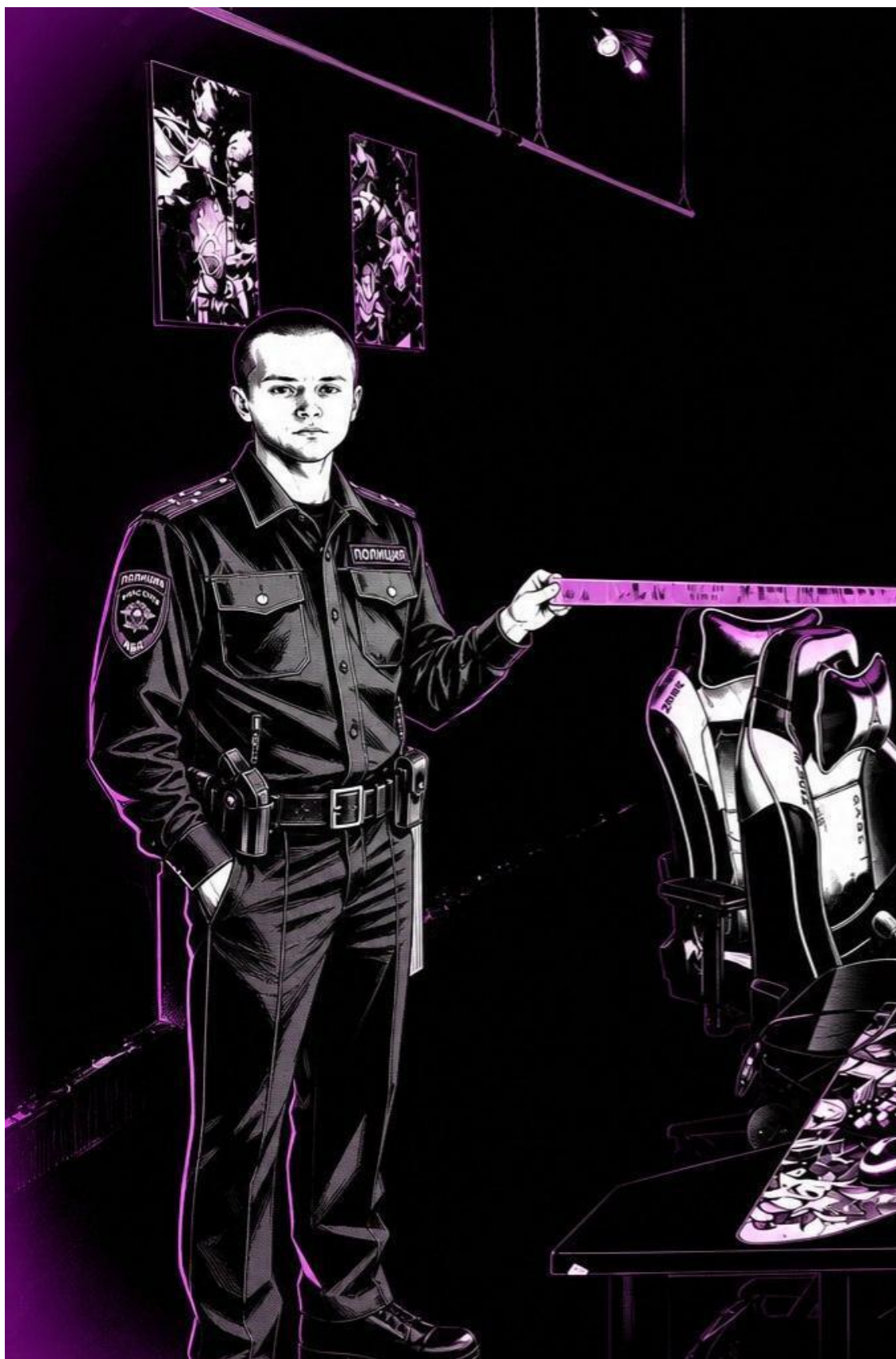
Наконец мы остановились у прилавка Арменина Апетяна — он стоял за своим местом, как всегда, прямой, собранный, с этим своим особенным взглядом, в котором смешивались и гордость за товар, и какая-то затаённая обида на весь мир. На него недавно был составлен протокол за распитие в общественном месте, и, кажется, эта история до сих пор жгла ему душу: он будто ждал, что кто-то сейчас подойдёт и снова напомним ему об этом, чтобы можно было вспыхнуть, огрызнуться, доказать, что он не такой, каким его записали в бумажках. Его взгляд, когда я подошёл, действительно был обозлённым, колючим, словно он заранее готовился к спору. Но товар у него был очень хороший — свежий, с правильным мраморным рисунком, пахнущий настоящим мясом, а не какими-то искусственными добавками. Именно поэтому я и брал всегда у него: в этом была какая-то надёжность, постоянство, которое в наше время встречалось всё реже.

Я выбрал самый смачный кусок, который был на прилавке, и Апетян, хоть и не улыбнулся, кивнул, будто признавая во мне человека, который разбирается в хорошем мясе и не станет торговаться из-за каждой копейки. Он молча взвесил мясо, завернул его в плотную бумагу, и в этом его молчании было больше уважения, чем в любых словах. Я расплатился, и он снова бросил на меня тот самый взгляд — уже не такой колючий, чуть смягчившийся, будто между нами на секунду возникла какая-то негласная договорённость: сегодня мы просто продавец и покупатель, и ничего больше.

Закупив бутылочку красного крымского вина, произведённого в Севастополе, я взял его специально для сегодняшнего ужина с моей дорогой Ольгой. Вино было тёмно-рубиновым, почти густым, и я надеялся, что его глубокий, чуть терпкий вкус подчеркнёт вкус мяса и сделает вечер особенным. Ольга в это время не стояла без дела: она внимательно перебирала овощи, придирчиво ощупывала каждый помидор, проверяла, нет ли на огурцах пятен, выбирала самые ровные и красивые перцы. Она делала это с какой-то особой тщательностью, будто от качества овощей зависело не просто наше сытное ужинание, а само настроение вечера. Для моего любимого салата с крабовыми палочками ей хотелось взять всё самое лучшее, и я смотрел на неё и улыбался про себя, думая, как мне повезло, что рядом со мной есть человек, который так искренне заботится о таких, казалось бы, мелочах.

Собрав две полные сумки еды — они были тяжёлыми, но приятными, потому что в них лежала не просто еда, а обещание уютного вечера, тепла и покоя, — мы пошли к машине, которая стояла на парковке и терпеливо ждала, когда мы запустим двигатель и поедем домой. Парковка была полупустой, только несколько машин стояли в тени старых тополей, и воздух здесь был чуть прохладнее, чем на рынке. Мы шли рядом, не торопясь, и я чувствовал, как после всей этой суеты дня на меня потихоньку опускается спокойствие, будто сам ритм города становился тише, уступая место нашим маленьким, личным заботам.

Подходя к машине, я вдруг почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо — лёгкое, но настойчивое прикосновение, от которого по спине пробежал холодок. Я резко развернулся, и позади меня стоял капитан Хорошун. Он смотрел на меня с каким-то странным, почти голодным взглядом, будто хотел разглядеть во мне что-то, что я старательно прятал. В его глазах читалась смесь усталости, раздражения и какой-то внутренней злости, которая, казалось, копилась в нём годами и теперь искала любой повод, чтобы вырваться наружу.

— Что, Костырко, покушать захотелось? — спросил он, оглядывая наши полные сумки еды с таким видом, будто мы совершили какое-то преступление, купив себе ужин.

— Так точно, товарищ капитан, в холодильнике мышь повесилась, — ответил я, не сводя с него глаз. В голосе моём не было ни дерзости, ни страха — только спокойная уверенность, выработанная годами службы: я знал, что имею право просто жить, просто покупать мясо и вино, просто хотеть провести вечер с любимой женщиной.

— Ну ты предупреди Богачёва, что он завтра в наряд на пеший пост. А вы отдыхайте, у вас ещё не скоро повышение в звании, — сказал он, посмеиваясь, но в этом смехе не было веселья — скорее, какая-то горькая, едкая ирония, будто он сам давно перестал верить в то, что повышение вообще когда-нибудь наступит. После этих слов он развернулся и пошёл в сторону вокзала, медленно покуривая сигарету. Дым тянулся за ним тонкой серой лентой, растворяясь в воздухе, и мне вдруг показалось, что вместе с этим дымом уходило и какое-то напряжение, которое он принёс с собой.

Поставив сумки на заднее сиденье, я включил свой телефон и набрал своему старому приятелю, капитану Богачёву Илье Александровичу. В трубке долго тянулись гудки, и я уже начал думать, что он не ответит, но вдруг раздался его голос — усталый, немного хриплый, но всё такой же родной и знакомый. В этот момент он был со своей женой Кристиной на даче, и по тому, как он дышал в трубку, было слышно, что он только что выпрямился после долгой работы на огороде и теперь пытается отдышаться.

— Здравова, дружище, как ты там? — спросил я с улыбкой, чувствуя, как от одного только звука его голоса на душе становится теплее.

— Здравова, дружище, да на огороде убираюсь, в рот его всё, я, — пробурчал он, и в его голосе слышалась та самая смесь усталости и смирения, которая бывает у людей, которые любят своих близких настолько, что готовы делать даже самую тяжёлую и нелюбимую работу.

— А чё, много посадили? — поинтересовался я, представляя себе эту картину: Илья, согнувшись в три погибели, копошится среди грядок, а где-то неподалёку Кристина сидит в шезлонге, попивает чай и с лёгкой улыбкой наблюдает за ним.

— Да блин, Крестинка в этом году много рассады взяла, теперь в позе рака я тут двигаюсь, — вздохнул он, и я не смог сдержать смехок — так живо всё это представилось.

— А я-то думал, ты там отдыхаешь, — поддразнил я его, стараясь хоть немного разрядить эту его усталость.

— Да-да, это жена у меня отдыхает, а я зарядкой занимаюсь на огороде. Твоя там чё как? — спросил он, и в этом вопросе было столько искреннего интереса, что я на секунду почувствовал себя почти счастливым: есть люди, которым не всё равно, как у тебя дела, даже если ты просто вернулся с рынка с полными сумками.

— Да нормально, только с рынка вышли, а тут Хорошун, попросил предупредить, что ты в наряд завтра, — сообщил я, заранее зная, какой будет реакция.

— Да достал этот Хорошун! Ну начистите ему уже хлебoreзку! Говорил же, что надо на огороде работать, а он как всегда в своём репертуаре — в наряд пихает тогда, когда не надо. Как вы его терпите? — выпалил Илья, и в его словах слышалась не просто усталость, а настоящая,

глубокая обида на всю эту систему, которая вечно подкидывает тебе лишнюю работу именно тогда, когда хочется просто отдохнуть.

— Да не знаю я, Илюх, — пробормотал я, потирая свой нос и садясь в машину. Мотор тихо заурчал, и этот привычный звук вдруг стал каким-то особенно уютным, будто машина тоже радовалась, что мы наконец-то едем домой.

— Блин, Серёг, давай хоть на следующих выходных выпьем, давно не сидели, — предложил Илья, и в его голосе послышалась такая тоска по простым человеческим радостям, что у меня сжалось сердце.

— Да ты прав, ну постараюсь на выходных, — пообещал я, хотя и понимал, что «постараюсь» — это ещё не гарантия. Служба, дежурства, наряды — всё это имело свойство вмешиваться в самые лучшие планы.

Мы попрощались, и я, положив телефон на панель, посмотрел на Ольгу. Она сидела рядом, тихо улыбалась, будто знала, о чём был разговор, и понимала, что мне сейчас нужно просто немного тишины и её присутствия. Я запустил мотор, и мы поехали домой, сквозь угасающий день, сквозь тени, которые становились всё длиннее, сквозь город, который постепенно затихал, готовясь к ночи.

Подъехав к нашему дому, мы забрали сумки и пошли обратно в квартиру. Лифт ехал медленно, и мы стояли рядом, чувствуя тепло друг друга, и это тепло было каким-то особенным, почти осязаемым, будто оно защищало нас от всего того холода и напряжения, которые оставались снаружи. Зайдя внутрь, я поставил сумки на стулья, и Ольга, разувшись, подошла ко мне и обняла, крепко, по-настоящему, так, что все тревоги и заботы вдруг показались мелкими и незначительными. Мы стояли так несколько мгновений, чувствуя наше тепло, и в эти секунды я был абсолютно счастлив — просто потому, что она была рядом, и дом был нашим, и вечер только начинался.

Разложив продукты, я начал нарезать мясо, аккуратно, стараясь не торопиться, будто сам процесс превращения большого куска в аккуратные ломтики помогал мне окончательно сбросить с себя груз прошедшего дня. Я рассортировывал мясо: большую часть убрал в морозилку, чтобы оно сохранилось, а маленькую часть отложил для готовки супа — того самого, который Ольга так любила, с насыщенным бульоном и ароматными специями. Оля тем временем подошла к кухонному гарнитуру, достала кастрюлю, поставила её на плиту и налила туда воду. Её движения были плавными, уверенными, и я смотрел на неё и думал, как же мне повезло, что судьба свела меня с этим человеком, который умеет превращать обычный вечер в маленький праздник.

Пока вода закипала, она переделась в синий домашний халат — мягкий, уютный, который я всегда любил видеть на ней. Подойдя к плите, она начала готовить, время от времени оборачиваясь ко мне с улыбкой, и каждая такая улыбка была как маленький лучик света в этом дне. Я включил тихонько радио, и из динамиков полилась тихая, ненавязчивая музыка — не громкая, не отвлекающая, а именно такая, которая создаёт фон, делает пространство вокруг ещё более уютным и защищённым.

Вспомнив о том, что нужно поставить аккумулятор на зарядку, я подошёл к Ольге, поцеловал её в щёку — лёгкий, тёплый поцелуй, в который я постарался вложить всю свою благо-

дарность за этот вечер, за её заботу, за её терпение. Затем я вышел из дома, аккуратно закрыв за собой дверь, и на секунду остановился на лестничной площадке, прислушиваясь к тишине подъезда, к этим маленьким звукам чужого быта — чьему-то телевизору, детскому смеху, хлопку двери этажом выше. И вдруг понял, что именно в этой обыденности и кроется настоящее счастье: в этих мелочах, в этих простых, но таких важных моментах.

Выйдя на улицу, я вдохнул прохладный вечерний воздух и направился к гаражу. Небо уже темнело, и первые звёзды робко пробивались сквозь городскую засветку, будто напоминая, что мир гораздо больше, чем кажется в суете дня. Открыв гараж, я загнал машину внутрь, затем открыл капот и достал аккумулятор. Он был тяжёлым, немного грязным, и я начал протирать его от пыли и грязи, стараясь вернуть ему прежний вид. В гараже пахло бензином, старым деревом и чем-то ещё, неуловимо родным, что всегда ассоциировалось у меня с этим местом — с тишиной, с возможностью побыть наедине с собой, разобраться в мыслях.

Вдруг в мой гараж зашёл Артём Клевцов, неся с собой пакет. В его походке была какая-то особая лёгкость, а на лице играла широкая, искренняя улыбка, которая сразу снимала напряжение и заставляла улыбаться в ответ.

— Серёжка, Серёжка, я пришёл! — воскликнул Артём с улыбкой на лице, и в этом возгласе было столько радости, будто он пришёл не просто в гости, а спасать меня от одиночества, возвращать меня к жизни.

Поглядев на него, я понял, что сегодня он хотел бы выпить и отдохнуть, как и я. В его глазах читалось то самое желание забыть на пару часов обо всех проблемах, просто посидеть, поговорить, почувствовать, что ты не один. Залезя в подвал, я достал баночку с огурчиками, которые я делал в том году, — они были хрустящими, с чесноком и укропом, и я знал, что Артём их обожает. Поставив их на полку, я увидел, как Артём достал бутылочку самогона, который он делал у себя на даче. В этом жесте было что-то почти ритуальное: мы оба знали правила этой негласной игры, знали, что сейчас начнётся тот самый вечер, который помогает душе немного отдохнуть.

— Артём, бутылку принести? Серёжа с Артёмом радоваться! — произнёс я, и мы оба рассмеялись — громко, искренне, так, как смеются только старые друзья, которым не нужно ничего объяснять.

Я посмеялся, усаживаясь на сидушку из поезда, которую я выменял у старого кладовщика Папорыги в нашем железнодорожном депо. Эта сидушка давно стала частью моего гаража, своего рода талисманом, напоминанием о том, сколько разных историй и судеб проходит через железные дороги, и о том, что даже самые странные вещи могут обрести новую жизнь. Артём сел рядом со мной, взял две рюмки с полки и налил нам по пятьдесят грамм. Жидкость была прозрачной, но в ней чувствовалась сила, выдержка, и я на секунду задумался о том, сколько труда и терпения вложено в каждую такую бутылку.

Разговоры были обо всём: о ценах на бензин, которые росли быстрее, чем зарплаты; о том, где лучше купить автоклав, чтобы делать заготовки на зиму; о том, куда поехать отдохнуть, если вдруг появится свободное время и деньги. Мы вспоминали старые истории, смеялись над нелепыми ситуациями, в которые попадали, и в этих воспоминаниях было столько тепла, что казалось, будто весь холод мира остаётся где-то за стенами гаража.

Спустя пару часов бутылка опустела, но мы не чувствовали ни тяжести, ни сожаления — только приятную усталость и ощущение, что сегодняшний вечер прошёл не зря. Артём, с хорошим настроением и лёгкой улыбкой, пошёл к себе в квартиру, пообещав, что в следующий раз принесёт свои фирменные маринованные грибы. Я закрыл гараж, проверил, всё ли на месте, и пошёл обратно домой, чувствуя, как ночная прохлада освежает лицо, а в груди разливается тихое, спокойное счастье.

Войдя в квартиру, я сразу почувствовал запах супа — тёплый, родной, наполняющий дом уютом. Ольга уже переоделась в свою любимую пижаму и сидела на кухне, читая книгу и время от времени поглядывая на кастрюлю. Когда я вошёл, она подняла на меня глаза, и в её взгляде было столько нежности и понимания, что я снова подумал: вот оно, настоящее счастье — не в больших победах и громких словах, а в этих тихих вечерах, в заботе, в простых радостях, которые мы создаём друг для друга каждый день.

Я подошёл к ней, обнял, уткнулся носом в её волосы, вдыхая этот знакомый, родной запах, и понял, что, несмотря на все трудности, на все нелепые наряды и недовольные взгляды начальства, у меня есть самое главное — дом, любовь и люди, ради которых хочется возвращаться снова и снова. И этого было достаточно.

Вечер пришёл удивительно быстро — словно день, полный мелких забот и суеты, вдруг схлопнулся, уступив место мягкой темноте, которая медленно наползала на город, гася один за другим уличные фонари. Я наконец-то сходил в прохладный душ — он будто ждал меня с самого утра, обещая смыть не только дорожную пыль и запах бензина, но и ту лёгкую нервозность, что копилась с рассвета. Струи воды били по плечам, и с каждой секундой напряжение уходило, растворяясь в шуме воды, а мысли становились чище, прозрачнее.

Оля в это время смотрела свой любимый сериал — ту самую мелодраму, которую она пересматривала уже в третий раз, каждый раз находя в ней что-то новое. Она то и дело бросала взгляд на дверь ванной комнаты, которая была слегка приоткрыта: сквозь узкую щель пробивалась тонкая полоска света, смешиваясь с тёплым сиянием настольной лампы. В её глазах мелькало нетерпение, смешанное с тихой радостью — она ждала, когда я выйду, чтобы этот вечер стал по-настоящему нашим.

Выйдя из ванной в одних трусах, я прошёл в стальную комнату — так мы с Олей в шутку называли нашу небольшую, но уютную гостиную, где всё было продумано до мелочей: от строгого металлического торшера до полок с книгами, которые мы собирали вместе. Воздух здесь был пропитан запахом ванили и корицы — Оля заранее зажгла ароматические свечи, и теперь их лёгкий, едва уловимый аромат витал в воздухе, создавая атмосферу уюта и предвкушения.

Зайдя в комнату, я увидел, что Оля уже лежала на кровати, но не расслабленно, а будто в ожидании, слегка приподнявшись на локте. На столе и на подоконнике стояли ароматные романтические свечи — их пламя танцевало, отбрасывая причудливые тени на стены. А на кровати был накрыт вкусный романтический ужин: два бокала с вином, две тарелки с едой — мой любимый крабовый салат, такой нежный, что буквально таял во рту, и её фирменное мясо по-французски, которое она готовила с особой любовью, добавляя туда чуть больше чеснока и пряных трав, чем в рецепте.

Наши взгляды были прикованы друг к другу, и в этом молчании было больше слов, чем в любых признаниях. Весь этот вечер мы говорили о нашей любви — не громкими фразами, а

тихо, почти шёпотом, делясь самыми сокровенными мыслями, вспоминая, как всё начиналось: случайную встречу в кафе, неловкие первые свидания, долгие прогулки по ночному городу, когда казалось, что весь мир принадлежит только нам. Время будто остановилось, и в эти минуты не существовало ни тревог, ни забот — только мы и этот тихий, уютный вечер.

Утро наступило незаметно — шесть часов десять минут. Я лежал рядом с Олей, слушая её тихое посапывание, которое становилось то чуть громче, то тише, словно она разговаривала во сне. Её волосы были раскинуты по моему плечу мягкими волнами, а голова уютно устроилась на моей груди. Я старался не шевелиться, чтобы не нарушить этот хрупкий момент, и просто лежал, вдыхая её запах — смесь цветочного шампуня и чего-то неуловимо родного, что бывает только у самых близких людей.

Осторожно встав, чтобы не разбудить Олю, я заварил себе кофе — крепкий, с лёгкой горчинкой, именно такой, как я люблю. Сев на стул, я облокотился на спинку, протирая заспанные глаза и пытаюсь собрать мысли в кучу. За окном начинался новый день — серый, дождливый, но в нашей квартире всё ещё царила атмосфера уюта и тепла, словно вечер не хотел уходить, цепляясь за каждый уголок.

Оля проснулась и подошла к столу, её шаги были лёгкими, почти бесшумными.

— Сегодня сможешь меня забрать после работы? — спросила она, поглаживая стол своей рукой, будто проверяя, всё ли на месте, всё ли так, как должно быть.

— Да, заберу. Как раз в это время и я освобожусь, — ответил я, взяв печенюку со стола и откусив кусочек. Она была хрустящей, с ванильным ароматом, и на мгновение вернула меня в детство, когда всё казалось проще и легче.

— Спасибо, дорогой! — ответила Оля, её глаза засветились благодарностью и лёгкой радостью. После этого она пошла собираться на работу, двигаясь по комнате с привычной грацией, будто каждый её шаг был частью какого-то танца.

Как только я допил кофе, я медленно встал и пошёл к шкафу, который стоял в углу нашей спальни. Его тёмное дерево слегка поблёскивало в утреннем свете, пробивающемся сквозь занавески. Достав полицейскую форму, я вздохнул, думая о сегодняшнем дне: что сегодня будет, как пройдёт этот день, какие сюрпризы или неприятности он может принести. Форма была выглажена, пуговицы блестели, но я всё равно на мгновение задержал руку на ткани, словно пытаюсь почувствовать уверенность, которая должна была прийти вместе с ней.

Наконец-то я оделся и сел ожидать, когда Оля оденется. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь шорохом её одежды и тихим пением радио, которое она включила на минимальной громкости. Собравшись, мы закрыли дверь в квартире, отключив воду и свет, и пошли к машине. Время было семь утра пятнадцать минут — город уже просыпался, и улицы постепенно наполнялись звуками: гудками машин, голосами прохожих, шумом открывающихся магазинов.

Я сел за руль, выгнав машину из гаража. Оля в это время закрыла гараж и села на соседнее сиденье, её движения были быстрыми, но точными, будто она делала это тысячу раз. После этого машина медленно, но верно двинулась в путь. На дороге был час пик — машины стояли плотными рядами, сигналила и пытаюсь найти хоть малейшую возможность проехать. Но

несмотря на пробки, машины постепенно разъезжались, освобождая путь, и я довёз Ольгу до её работы без особых задержек.

Поцеловав меня в губы, Ольга вышла из машины и побежала к себе на работу. Её глаза блестели не только от спешки, но и от того, что мы проведём время друг без друга целый день и встретимся только вечером. В этом блеске было что-то особенное — не просто ожидание, а предвкушение, будто каждый день разлуки делал нашу встречу ещё ценнее.

Доехав до своего отдела, я закрыл машину, взяв с собой папку с протоколами, которая казалась тяжелее обычного — возможно, из-за того, что в ней лежали не только бумаги, но и ответственность за чужие судьбы. Утро было дождливым: капли стекали по лобовому стеклу, оставляя тонкие дорожки, а воздух был свежим, с лёгким запахом мокрого асфальта. В голове была одна мечта: чтобы такая погода была только тогда, когда я буду дома, чтобы можно было спать под шум дождя, чувствуя себя в безопасности и уюте.

Зайдя в оружейку, я получил свой старый пистолет — он был мне знаком до последней царапины, до каждого миллиметра рукоятки. Положив его в кобуру, я почувствовал привычную тяжесть, которая одновременно успокаивала и напоминала о серьёзности моей работы. После этого я вышел оттуда, готовый к новому дню, к новым вызовам.

Поднявшись по лестнице в актовй зал, я тотчас поздоровался с теми, кто заступал в наряд. В воздухе витал запах свежего кофе и полироли для обуви — неизменные спутники утреннего развода.

Ответственный Папарыга Дмитрий Сергеевич, поправляя свою рубашку синего цвета, выглядел как всегда безупречно. На плечах его формы блестели две большие звезды на каждом погоне — символ его опыта и авторитета. Он был человеком, который не терпел небрежности ни в чём: ни в форме, ни в работе, ни в словах.

Рядом с ним стоял его помощник, которого он любил подколоть, — Субботин Антон Олегович. Тот, в свою очередь, тоже не упускал случая подшутить над подполковником, и их перепалки стали почти ритуалом, который все ждали с улыбкой. Субботин был старшим лейтенантом и заместителем командира роты. Человек он был, конечно, странным: в нём сочетались невероятная внимательность к деталям и какая-то детская непосредственность, которая порой пугала окружающих. Особенно после прошлых стрельб, когда его пистолет развалился после одного выстрела, причём не попав по мишеням. Этот случай до сих пор вспоминали с усмешкой, хотя самому Субботину было не до смеха.

Дмитрий Сергеевич был 35-летним мужчиной, который пробыл на посту командира роты ППСР уже на протяжении семи лет. Человеком он был серьёзным, и если его «раздраконить», мог устроить такой разнос, что после него хотелось спрятаться под стол и не высовываться до конца смены. Но при всей своей строгости он был справедливым и всегда прикрывал своих, если дело доходило до вышестоящего начальства.

Встав на своё место, я почувствовал, как сзади меня встал старший сержант Заскалько, который только вчера получил высшее образование и хорошенько выпил, отмечая это событие. От него слегка несло крепким напитком, вроде виски, — запах был едва уловимым, но знакомым каждому, кто хоть раз дежурил с ним в одной смене.

— Серёг, я там гостинец тебе принёс, потом, после развода, дам, — сказал Антон с улыбкой на лице, его глаза искрились озорством, будто он задумал какую-то шалость.

Я, почесав затылок, стоял и слушал всё, что говорит Папарыга. Его голос звучал твёрдо, без лишних эмоций, перечисляя задачи на день, напоминая о важности каждого действия, даже самого незначительного на первый взгляд.

Вдруг из двери вышел капитан Хорошун — весь строй резко замолчал. Его пугающий взгляд и походка, которую можно было расслышать ещё в коридоре, действовали на всех как ледяной душ. Он двигался с той особой уверенностью, которая приходит только с годами службы и знанием того, что от твоих решений зависят жизни других людей.

Зайдя на развод, он тотчас начал ходить вокруг каждого из нас, осматривая весь наш внешний вид с такой тщательностью, будто искал не просто расстёгнутую пуговицу, а малейший признак небрежности. Его взгляд скользил по погонам, по начищенным ботинкам, по аккуратно заправленным рубашкам, и каждый под этим взглядом чувствовал себя как под микроскопом.

— Мне больше интересует, где прапорщик Владимир Новохатский? — спросил Хорошун, нахмутив брови, и в его голосе прозвучала та самая интонация, которая заставляла даже самых стойких чувствовать себя неуютно.

Папарыга стал обзванивать прапорщика, который должен был заступить на КПП. Телефон звонил и звонил, но ответа не было. Напряжение в зале росло с каждой секундой, и все переглядывались, гадая, что будет, если Новохатский не появится вовремя.

Спустя 12 минут Новохатский появился — запыхавшийся, с автоматом наперевес, его форма была слегка помята, а лицо покрыто каплями пота. Он бежал так, будто за ним гнались все демоны ада, и, остановившись перед строем, попросил прощения, объяснив, что по пути на работу на дороге упал человек, и он оказывал первую помощь. Его слова прозвучали искренне, и даже строгий Хорошун на мгновение смягчился, хотя виду не подал.

После развода нам дали приказ найти человека, который не оплатил свои штрафы. Вручив нам протоколы, начальство коротко обозначило задачу, и мы, не теряя времени, сели в наш «Патриот» и выехали по указанному адресу.

Городок был маленьким, но уютным для глаз: старые домики с резными наличниками соседствовали с новыми постройками, а узкие улочки петляли, словно приглашая заблудиться и открыть для себя что-то новое. Доехав до старого домика, мы вышли из патрульной машины и постучали в дверь. На стук никто не отреагировал — внутри дома было тихо, будто там никого не было уже много лет. Простояв полчаса и обойдя всё вокруг, мы сели в машину и позвонили Папарыге. На наш отчёт он сказал ждать там, потому что Хорошун велел ожидать данного человека.

Простояв ещё минут 15, мы заметили, как по улице шёл пьяный человек. Его одежда была где-то потрёпана, где-то порвана, а походка была неуверенной, будто земля под ногами была не твёрдой, а зыбкой. Представившись, мы вышли и объяснили суть остановки. И как только он предоставил документы, мы поняли, что этот человек и есть тот, кого мы ищем,

— Барадин Константин Михайлович, 1995 года рождения. Его лицо было усталым, а в глазах читалась смесь страха и усталости, будто он давно ждал этого момента.

Расписав протокол, мы сели в машину и поехали в отдел. Дорога казалась длиннее обычного, а тишина в салоне была наполнена невысказанными мыслями: каждый из нас думал о своём, о том, что ждёт впереди, о том, как этот случай повлияет на чью-то жизнь.

Как только мы поднялись к себе в кабинет, чтобы перекусить и немного перевести дух, мы услышали громкие крики полковника Папарыги, который кричал на кого-то с такой силой, что стены, казалось, дрожали.

— За то время, что вам дали, можно было паука задрочить, чтоб вам китель сшил! — гремел его голос, и в этих словах была вся его ярость, вся накопившаяся усталость от бесконечных недочётов и ошибок.

Подойдя к его кабинету, я увидел, как он отчитывал Субботина. Лицо Папарыги было красным от гнева, а Субботин стоял, опустив голову, но в его взгляде мелькали искры упрямства — он не собирался сдаваться без боя. Эта сцена была одновременно пугающей и привычной: такие моменты были частью нашей работы, частью той реальности, где эмоции часто выходили из-под контроля, а дисциплина становилась единственным якорем, который удерживал всех на плаву.

Зайдя в учебный класс, я на мгновение замер, будто время решило чуть притормозить свой бег, чтобы дать мне впитать эту картину во всех её мелких, почти незаметных деталях. Помещение было типичным для ведомственного центра подготовки — высокие потолки, слегка потёртые стены, на которых ещё виднелись следы старых объявлений, давно снятых, но не до конца стёртых; ряды парт, расставленных ровными линиями, и стулья с чуть скрипучими спинками, помнившие не одну смену стажёров. Свет из окон падал косо, вытягивая длинные тени и придавая всему пространству какой-то приглушённо-серый оттенок, словно утро само по себе было не столько бодрым, сколько усталым от необходимости наступать снова и снова.

Там, в самом дальнем ряду, сидели два стажёра — те самые парни, что только недавно переступили порог службы, полные ожиданий и одновременно скованные неловкостью первых дней. Они устроились на жёстких стульях, облокотившись о парты, будто искали в этих простых предметах хоть какую-то опору — не столько физическую, сколько моральную. Утро было сонным, тягучим, словно воздух загустел от недосыпа и напряжения, которое всегда витает в воздухе перед началом серьёзного дня. У одного из парней, того, что сидел чуть ближе к окну, из приоткрытого рта едва заметно тянулась тонкая ниточка слюны — он даже не замечал этого, настолько глубоко провалился в полудрёму, балансируя на грани сна и бодрствования. Второй, его напарник, просто сидел, облокотившись на свою руку, и тихо подрёмывал, время от времени вздрагивая, будто внутренний голос настойчиво шептал ему: «Не спи, не спи», но тело упрямо сопротивлялось этому призыву.

Вдруг тишину, эту вязкую, почти осязаемую тишину, разорвал резкий, но до боли знакомый звук — звонок моего старого, но удивительно бодрого телефона. Он звенел так настойчиво, так требовательно, будто сам аппарат знал, насколько важен этот вызов, и не собирался уступать, пока я не возьму его в руки и не отвечу. Этот телефон был со мной уже несколько лет: корпус поцарапан в десятках мест, экран покрылся мелкой паутинкой трещин, но он всё ещё работал, упрямый и надёжный, как старый служебный УАЗ, который не сдаётся даже там, где другие машины давно бы встали. Я машинально потянулся к нему, чувствуя, как пальцы привычно скользят по знакомым граням, и, нажав кнопку ответа, поднёс трубку к уху.

— Слушаю, — произнёс я, стараясь придать голосу бодрость, которой в тот момент почти не чувствовал.

На том конце провода раздался голос Бельской — чёткий, собранный, с той самой интонацией, которая сразу давала понять: новости будут не из приятных. Она предупреждала о том, что сегодня придёт тот самый человек, которого мы меньше всего хотели видеть в нашем отделе. Её слова прозвучали как тихий, но уверенный удар гонга, возвещающий начало чего-то неизбежного, и в груди тут же шевельнулось то самое неприятное чувство, знакомое каждому, кто хоть раз сталкивался с внезапными переменами в устоявшемся распорядке.

Тем временем в соседнем кабинете Заскалько уже устроился в старом, потёртом кресле, которое скрипело при каждом движении, словно недовольно ворчало на любого, кто решался в него сесть. Он неторопливо поджёг сигарету, и в воздухе тут же поплыл горьковатый запах табака, смешиваясь с запахом бумаги, пыли и старого дерева, который всегда витал в этих стенах. Рядом на столе стоял энергетик — единственная роскошь, которую он мог себе позволить в этом месяце, потому что всю зарплату отдал своей жене, оставив себе лишь мелочь на самое необходимое. Он покуривал сигарету и медленно попивал энергетик, будто растягивал эти мгновения, пытаясь выжать из них хоть немного спокойствия перед грядущей бурей. Его движения были размеренными, почти медитативными, но в глазах читалась усталость — та самая усталость, которая приходит не от физической нагрузки, а от бесконечной череды мелких проблем, каждая из которых сама по себе незначительна, но вместе они давят на плечи тяжёлым грузом.

Вскоре в наш кабинет вошёл Богачёв. Он закрыл за собой дверь с тем характерным щелчком, который в этом здании означал одно: начинается серьёзный разговор. Не тратя времени на лишние приветствия, он достал свой телефон и развернул экран так, чтобы мы все могли видеть открытые карты. На них было отмечено странное место, расположенное в восьмидесяти километрах от города, возле реки Битюг. Точка мигала, будто насмехаясь над нашей уверенностью в том, что мы знаем каждый уголок в округе.

— И что там есть? — спросил я, пытаясь скрыть волнение за лёгкой улыбкой и привычным жестом поправил чёлку, которая всё время падала на глаза, мешая сосредоточиться.

— Я надеюсь, там закопан клад, — невозмутимо ответил Антон Заскалько, выпуская тонкую струйку дыма и глядя куда-то сквозь карту, будто уже видел этот мифический клад, сверкающий в лучах утреннего солнца.

— У Заскалько ответ правильный, — вставил Илья, наклонившись к нам и шепча прямо рядом с ушами, так тихо, что его слова казались почти секретом, предназначенным только для нас троих. — Давайте на выходных съездим, хоть чикушечку выпьем, да и порыбачим немножко. В конце концов, иногда нужно просто выдохнуть, а что может быть лучше рыбалки, чтобы забыть обо всех этих бумажках и отчётах?

Наше общение было не особо длинным и не особо коротким — как раз таким, каким и должно быть в моменты, когда впереди маячит неизвестность: достаточно, чтобы немного сбросить напряжение, но недостаточно, чтобы забыть о деле. Разошедшись по своим кабинетам, мы вскоре получили задание от командира роты: выехать за город на патрульной машине, чтобы найти мужчину, который жил в одном из домов на окраине и не оплачивал свои штрафы. Задача казалась простой на первый взгляд, но мы все знали, что в таких делах простота — это чаще всего иллюзия, за которой скрываются свои сложности и неожиданные повороты.

Садясь в старый, потрёпанный от времени УАЗ «Патриот», Антоха запустил мотор этого старого зверя. Двигатель взревел, прокатившись эхом по двору отдела, и машина тут же рванула вперёд, будто сама рвалась в путь, устав стоять на месте. Колёса заскрежетали по асфальту, оставляя за собой лёгкий след пыли, и мы помчались по улице, вдоль которой стоял наш отдел — знакомой до каждой выбоины, до каждого столба, до каждой трещины в асфальте.

Выехав из города, мы свернули в лесополосу, где асфальт внезапно закончился, уступив место старой песчаной дороге. Она была такой узкой и изрытой, что ни одна легковушка не смогла бы проехать по ней без риска застрять в первой же яме. Только наш «Патриот» с его выносливым характером и полным приводом мог справиться с этим маршрутом, уверенно пробираясь вперёд, несмотря на все препятствия. Включив полный привод, мы двинулись прямо, проезжая через глухой лес, где деревья смыкались над дорогой, создавая полумрак, в котором даже дневной свет казался приглушённым и таинственным. Ветви царапали бока машины, словно пытались задержать нас, не пустить дальше, но мы упорно продолжали путь.

Проехав лес, мы наконец выехали на открытое пространство и увидели перед собой посёлок с названием Старовёрск. Он выглядел так, будто время обошло его стороной, оставив здесь свой отпечаток в виде покосившихся заборов, старых крыш и тихих дворов, где даже собаки лаяли как-то нехотя, без привычной городской суеты. Подъехав к дому номер 13, мы вышли из машины и двинулись к калитке, чувствуя, как с каждым шагом нарастает это странное напряжение — смесь ожидания и лёгкой тревоги перед встречей с человеком, о котором мы знали лишь сухие строки из рапорта.

Домик был маленьким, почти игрушечным, настоящей избушкой, которая поросла мхом и листвой, будто природа постепенно пыталась вернуть себе это место, стереть следы человеческого присутствия. Стены потемнели от времени, окна казались тусклыми, а крыша слегка просела, придавая дому вид усталого, но упрямого старика, который отказывается сдаваться, несмотря на все невзгоды. Подойдя к окошку, мы постучали, ожидая услышать хоть какой-то звук изнутри — шаги, скрип половиц, голос, — но в ответ была только тишина, густая и неподвижная, как стоячая вода в заброшенном колодце.

Через какое-то время из двери вышел мужчина — невысокий, с неухоженной бородой, в которой запутались сухие травинки и пыль. От него пахло дешёвой водкой и дымом, будто он провёл последние дни у костра, пытаясь согреться не столько телом, сколько душой. Его взгляд был тяжёлым, усталым, в нём читались годы мелких неудач и больших разочарований, которые оставили свой след не только на внешности, но и на самой манере держаться.

Представившись сотрудниками МВД, мы задали ему вопросы об неуплате штрафов, стараясь говорить спокойно и ровно, без излишней строгости, понимая, что перед нами не закоренелый преступник, а человек, попавший в сложную ситуацию. Гражданин Барадачов Георгий Михайлович — так звали этого мужчину — вздохнул, провёл рукой по бороде, будто пытаясь стряхнуть с себя не только пыль, но и груз своих проблем, и сказал, что в данный момент он не может оплатить свои штрафы из-за проблем с работой. Его голос звучал не как оправдание, а как горькое признание реальности, с которой он вынужден был считаться каждый день. Он пообещал, что в ближайшее время оплатит все штрафы до единого рубля, и в его словах не было бравады — только тихая решимость сделать хоть что-то, чтобы выбраться из этой ямы.

Глава

Глава 2 : Тень из Ставрополя

Августовское утро выдалось на редкость душным. Небо над нашим отделом затянуло свинцовыми тучами, но дождь так и не начинался, зависнув над городом тяжелым, влажным прессом.

Я стоял у окна в коридоре второго этажа, разглядывая припаркованный внизу наш УАЗ «Патриот». После вчерашней поездки в Старовёрск машина казалась покрытой не просто грязью, а каким-то серым налётом утомления. В кармане завибрировал телефон. Я достал его — пришло сообщение от Оли: *«Удачи на смене. Береги себя»*. Я невольно улыбнулся, и на мгновение духота коридора отступила, а внутри разлилось мягкое, теплое свечение.

— Костырко! — резкий, как выстрел, голос заставил меня вздрогнуть.

Из-за угла стремительно вышел капитан Хорошун. Его портупея была затянута так туго, будто он пытался перекрыть себе доступ кислорода, а лицо выражало крайнюю степень раздражения. Вокруг его фигуры я явственно увидел то, от чего уже давно болела голова — тяжелый, липкий фиолетово-черный туман, клубившийся при каждом его шаге. Эта аура буквально заполняла коридор, выдавливая чистый воздух.

— Почему не на инструктаже? Опять форму не по уставу носим? Шеврон на левом рукаве почему замаялся? — Хорошун остановился в шаге от меня, обдав запахом дешевого одеколона и мятной жвачки. — Писать рапорты научился, а выглядеть как офицер — нет?

— Виноват, товарищ капитан. Исправлю, — глухо ответил я, стараясь не смотреть ему прямо в глаза и мысленно закрываясь от волн его фиолетовой агрессии, которая уже начинала давить мне на виски.

— Бегом в актовый зал. Сегодня у нас пополнение. Будешь лично вводить его в курс дела, раз у тебя времени много на разговоры с должниками, — процедил он сквозь зубы и пошел дальше, оставляя за собой шлейф гнетущей тревоги.

В актовом зале было необычно тихо. Даже вечно шутящий Заскалько молча листал свой блокнот, не пытаясь никого подколооть. На заднем ряду, отдельно от всех, сидел человек в новенькой, еще не застиранной форме лейтенанта.

Я сразу понял, о ком вчера предупреждала полковник Бельская.

Новичок был худощав, с бледным лицом и невероятно темными, почти черными глазами, которые, казалось, вообще не отражали свет ламп. Но сильнее всего меня поразила его энергетика. Вокруг него не было ровного свечения, как у Бельской или моей Оли. Пространство вокруг его плеч шло легкой рябью, словно воздух над раскаленным асфальтом, а по краям этой ряби проскакивали тонкие, как иглы, фиолетовые молнии.

Он медленно повернул голову и посмотрел прямо на меня. По моей спине пробежал ледяной сквозняк.

— Громов Ярослав Игоревич, — негромко представился он, когда я подошел ближе. Его голос звучал абсолютно ровно, без единой эмоции. — Перевелся из Ставрополя. Будем работать вместе.

— Костырко, — представился я и протянул ему руку.

Когда наши ладони соприкоснулись, в моей голове на долю секунды вспыхнул резкий, пугающий образ: разбитая лесная дорога, перевернутый на бок наш УАЗ и чья-то полицейская фуражка, лежащая в луже, окрашенной фиолетовым бензиновым блеском. От неожиданности я едва не отдернул руку.

— Интересный у вас отдел, — тихо произнес Громов, убирая руку в карман и продолжая сверлить меня своим пустым взглядом. — Но скоро здесь станет очень шумно. Буря уже близко.

Я хотел спросить, что, черт возьми, это значит и откуда у него эта странная энергетика, но в этот момент в зал вошел подполковник Папарыга.

Рад, что этот кусок тебе зашёл! Давай продолжим с этого же момента. Атмосферу держим ту же: суровые будни, первый пасс напарников и это давящее мистическое предчувствие.

Вот продолжение:

— Смирно! — зычно гаркнул дежурный.

Стулья со скрипом отодвинулись. Зал послушно вытянулся по струнке. Я тоже встал, мельком глянув на Громова — он поднялся плавно, без единого лишнего движения, словно тень, отделившаяся от стены.

Подполковник Папарыга прошёл к трибуне. На его лице лежала печать многолетней усталости, а его аура — плотная, стального цвета, как броня старого танка — тяжело нависла над первыми рядами. От него не исходило злобы, как от Хорошуна, только глухое, давящее чувство долга и бесконечной бюрократической рутины.

Рядом пристроился Хорошун, его фиолетово-черный туман всё еще злобно искрил по краям, задевая стоящих ближе офицеров.

— Вольно, садитесь, — Папарыга устало махнул рукой и раскрыл папку с суточной сводкой. — Начнем с кадровых изменений. С сегодняшнего дня в нашу роту переведен лейтенант Громов Ярослав Игоревич. Прибыл к нам из Ставрополя. Прошу любить и жаловать.

По залу пробежал едва слышный шепоток. Заскалько, сидевший через два стула от меня, скосил глаза в мою сторону и одними губами спросил: «Что за мертвец?» Я лишь едва заметно покачал головой, призывая его заткнуться.

— Громов, — Папарыга поднял глаза от бумаг. — Закрепляю тебя за экипажем младшего лейтенанта Костырко. Костырко, введи человека в курс дела, покажи территорию, объясни специфику. Работать сегодня будете втроем: ты, Заскалько и Громов. Вопросы?

— Никак нет, товарищ подполковник, — ответил я, хотя внутри всё сжалось.

Втроем. На том самом УАЗе «Патриот». Образ перевернутой машины на лесной дороге снова вспыхнул перед глазами так ярко, что я почувствовал во рту металлический привкус страха.

— Тогда за работу. По коням, — подытожил Папарыга.

Когда развод закончился и все потянулись к выходу, Заскалько тут же пристроился ко мне сзади, косясь на Громова, который молча шел чуть впереди нас.

— Слышь, Костыч, — тихо зашептал напарник мне на ухо. — У меня от этого новенького зубы ломит. Он вообще живой? У него лицо как у манекена из магазина одежды. И бледный, как будто его неделю в подвале держали.

— Работай давай, — буркнул я, стараясь скрыть собственную дрожь в руках. — Меньше болтай, целее будешь.

Мы вышли на крыльцо отдела. Тяжелый влажный воздух тут же облепил лицо. На парковке, серая и уставшая, ждала наша рабочая лошадка — УАЗ «Патриот».

Громов остановился у задней двери машины. Он не спешил садиться. Его взгляд был прикован к правому переднему колесу, а фиолетовые игольчатые молнии вокруг его плеч задвигались быстрее, словно реагируя на металл автомобиля.

— Нам на ней сегодня далеко ехать? — тихо, почти беззвучно спросил он, не оборачиваясь ко мне.

— В Старовёрск надо заскочить, — ответил я, открывая водительскую дверь. — Барадачев обещал штрафы закрыть, надо проверить. А что?

Громов медленно повернул ко мне свое бледное, идеально правильное лицо. В его темных глазах не было страха — только холодная, констатирующая факт пустота.

— Дорога туда идет через старую просеку, — сказал он, и его голос показался мне шелестом сухой травы. — Нам не стоит ехать там сегодня. Металл этой машины пахнет гарью и сырой землей.

Я замер с ключом в руке. Заскалько, который уже устроился на пассажирском сиденье, недоуменно высунулся из окна:

— Эй, философы! Вы ехать собираетесь или как? Дождь сейчас ливанет, по глине вообще не проедем!

Я посмотрел на Громова, потом на УАЗ. Внутри меня боролись два чувства: здравый смысл полицейского, который привык верить только фактам, и этот странный, пугающий дар, который кричал мне, что лейтенант из Ставрополя видит то же самое, что и я.

— Садись назад, Громов, — тихо сказал я, принимая решение. — Поедем в объезд. Через федеральную трассу. Потеряем лишний час, зато дорога асфальтированная.

Громов ничего не ответил, лишь едва заметно кивнул и плавно скользнул на заднее сиденье. Но как только я завел мотор, по стеклу ударили первые тяжелые капли начинающейся грозы. Буря, о которой он говорил, всё-таки началась.

Дворники нашего «Патриота» со скрипом и натужным воем метались по лобовому стеклу, едва справляясь с потоками воды. Дождь превратился в сплошную водяную стену, за которой мир серых панельных пятиэтажек нашего городка стремительно растворялся, превращаясь в размытые, грязные силуэты.

Я крепче сжал пальцами руль. Кожа на ободке давно облезла, и под ладонями чувствовался холодный, шершавый пластик. В салоне пахло старой сыростью, пылью из дефлекторов и дешевым освежителем воздуха с ароматом «Новая машина», который Заскалько повесил на зеркало заднего вида еще весной. Сейчас этот приторный химический запах только раздражал, смешиваясь с тяжелым ощущением надвигающейся грозы.

— Ну и погода, мать её, — проворчал Заскалько, поудобнее устраиваясь на пассажирском сиденье и натягивая капюшон куртки пониже на лоб. — Костыч, мы так до Старовёрска до ночи плестись будем. По трассе в такой ливень фуры идут под сотку, из-под колес фонтаны — ни хрена же не видно. Может, зря мы старую просеку срезать не стали? Там хоть деревья ветер держат, да и трафик нулевой...

Я бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида.

На заднем сиденье, абсолютно неподвижно, сидел Громов. Он не прислонялся к спинке, не пытался устроиться поудобнее, как делал любой нормальный опер после тяжелого развода. Он сидел прямо, положив бледные ладони на колени. В полумраке салона его лицо казалось высеченным из серого речного камня. А вокруг его плеч всё так же пульсировала эта странная, пугающая рябь. Воздух за его спиной словно дрожал от невидимого жара, и сквозь эту дрожь время от времени проскакивали тонкие, едва заметные фиолетовые искры. Они не освещали салон, но я чувствовал их физически — как покалывание статического электричества на коже затылка.

— Не зря, — сухо отрезал я, поворачивая руль влево и выводя УАЗ на разбитый асфальт, ведущий к федеральной трассе. — На просеке сейчас глина такая, что мы бы там намертво сели. И сотовой связи там нет. Случись что — трактор до утра ждать будем. Так что едем по асфальту.

Громов в зеркале даже не шелохнулся, но я заметил, как его темные, лишённые живого блеска глаза на секунду сфокусировались на моем отражении.

— Вы приняли правильное решение, младший лейтенант, — его голос прозвучал тихо, но как-то слишком отчетливо, перекрывая и гул мотора, и барабанную дробь дождя по крыше. — На просеке сейчас падает старая сосна. Прямо на дорогу. Тот, кто поехал бы там... не успел бы затормозить.

Заскалько резко обернулся назад, уставившись на новичка круглыми от недоумения глазами.

— Слышь, лейтенант, ты откуда это знаешь? — в голосе напарника прорезались нервные нотки. — У тебя что, радар в голове или сводка из лесничества на телефон пришла? Какая сосна?

Громов не ответил. Он просто перевел взгляд на залитое потоками воды боковое стекло, за которым проносились серые, мокрые придорожные кусты. Его аура на мгновение вспыхнула чуть ярче, окрасив его бледный профиль в холодные чернильные тона, а затем снова затихла, превратившись в едва заметное марево.

— Да ну тебя, — буркнул Заскалько, отворачиваясь обратно к лобовому стеклу. Он попытался сделать вид, что ему всё равно, но я видел, как его собственная аура — обычно хаотичная, ярко-оранжевая, как искры от костра — сейчас сжалась и задрожала, выдавая глубокую внутреннюю тревогу. Напарнику было не по себе. Мне, признаться, тоже.

Мы выехали на федеральную трассу. Здесь действительно было тяжело: огромные фуры проносились мимо, обдавая наш УАЗ гигантскими волнами грязной воды, от которых машина на секунду полностью слепла. Руль водило из стороны в сторону, колеса то и дело ловили глубокие колеи, заполненные водой, и мне приходилось прилагать физические усилия, чтобы удерживать тяжелый внедорожник на дороге.

Каждый раз, когда мимо с ревом проносился очередной грузовик, в моей голове эхом отзывался тот короткий, страшный образ: перевернутый УАЗ, разбитое лобовое стекло и фуражка в бензиновой луже. Я понимал, что это не просто фантазия. Мой дар — или проклятие, я до сих пор не знал, как это назвать — никогда не показывал такие вещи просто так. Мы избежали смерти на просеке, но опасность всё еще следовала за нами по пятам, словно привязанная к этой машине. Или к нам самим.

Примерно через полчаса напряженного молчания, когда мы уже миновали развилку на Старовёрск и съехали на узкую, но асфальтированную дорогу местного значения, дождь начал постепенно стихать. Тяжелые тучи над головой разошлись, открывая полосу бледного, холодного предзакатного неба.

— Слава богу, пронесло, — шумно выдохнул Заскалько, приоткрывая окно. В салон ворвался резкий, пахнущий озоном и мокрой травой воздух. — Слушай, Костыч, давай у Барадачева по-быстрому всё решим и назад. Не нравится мне эта смена. Какая-то она... душная. И Хорошун этот со своими придирками с утра весь настрой сбил.

— Согласен, — тихо ответил я, сбавляя скорость.

Впереди показались первые дома Старовёрска — покосившиеся деревянные избы, серые от времени и влаги, окруженные высокими зарослями крапивы и чертополоха. Деревня казалась вымершей. Ни лая собак, ни дыма из печей — только мокрые крыши блестели под лучами бледного солнца, пробившегося сквозь тучи.

Я остановил машину у ветхого забора дома под номером тринадцатый. Это было жилище Георгия Михайловича Барадачева — того самого должника, к которому мы ехали.

— Приехали, — сказал я, глуша двигатель.

В салоне воцарилась внезапная, почти звенящая тишина. Слышно было только, как редкие капли воды падают с веток старого тополя на капот нашего УАЗа.

Громов медленно открыл дверь и вышел на мокрую траву. Я последовал за ним. Когда я ступил на землю, мое внимание привлек странный звук. Сзади, со стороны багажника, раздавалось тихое, едва слышное шипение.

Я обошел машину и замер.

Заднее правое колесо нашего «Патриота» было практически полностью спущено. Из глубокого бокового пореза на шине с тихим свистом выходил последний воздух. Порез был свежим, с рваными краями — похоже, мы зацепили какой-то острый металлический обрубок или арматуру на трассе, и колесо держалось только чудом.

Если бы мы поехали по старой просеке, по раскисшей глине и глубоким ямам, колесо спустило бы там мгновенно. На скорости, на скользком косогоре, тяжелую машину просто выбросило бы с дороги прямо в вековые деревья. И сосна, о которой говорил Громов, вполне могла стать нашей братской могилой.

Я медленно поднял глаза. Громов стоял у забора, глядя на меня через плечо. Его бледное лицо оставалось абсолютно спокойным, но фиолетовые искорки вокруг его плеч на мгновение сложились в ровный, почти защитный круг.

— Я же говорил, — тихо произнес он. — Металл этой машины пах газом и сырой землей. Но теперь мы здесь. И нам нужно идти внутрь.

Я сглотнул подступивший к горлу ком, поправил кобуру на поясе и посмотрел на Заскалько, который с недоумением разглядывал пустое колесо.

— Доставай записку, Антох, — сказал я напарнику, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно тверже. — А мы с лейтенантом Громовым пойдем побеседуем с хозяином. Чувствую, этот разговор легким не будет.

Я толкнул тяжелую, разбухшую от влаги деревянную калитку. Она поддалась с противным, протяжным скрипом. Двор зарос высоким бурьяном, а на покосившемся крыльце валялись какие-то ржавые ведра и мокрые тряпки. Громов шел следом, ступая по раскисшей земле абсолютно бесшумно, словно тень.

Я постучал в обшарпанную дверь. Тишина. Постучал сильнее, костяшками пальцев, так, что мутное стекло в старой раме жалобно звякнуло.

— Открыто... — раздался изнутри глухой, надломленный голос.

Мы вошли. В полутемных сенях пахло немытым телом, застарелым перегаром, сыростью и чем-то еще... запахом абсолютной, удушающей безнадеги.

Барадачев сидел за колченогим кухонным столом в единственной жилой комнате. Это был осунувшийся, небритый мужик лет пятидесяти в растянутом свитере. Перед ним стояла наполовину пустая бутылка дешевой водки, граненый стакан и лежал какой-то смятый тетрадный лист. Он поднял на нас мутные, красные глаза, в которых не было ни удивления, ни страха — только пустота.

Я инстинктивно прищурился, всматриваясь в его энергетику. Вокруг Барадачева не было цвета. Его аура напоминала грязную, серую паутину, которая медленно осыпалась, словно пепел. Человек угасал прямо на глазах.

Я прочистил горло, готовясь начать стандартную полицейскую речь про неоплаченные штрафы, постановление и принудительный привод в отдел, но не успел произнести ни слова.

Громов плавно обошел меня и шагнул к столу. Его чернильная аура, до этого державшаяся близко к телу, вдруг метнулась по комнате, как живая, хищная субстанция. Воздух вокруг лейтенанта задрожал, а фиолетовые искры затрещали громче.

— Не успел дописать, Константин Михайлович? — вдруг произнес Громов своим ровным, лишенным эмоций голосом. Он даже не смотрел на бумагу, его черные глаза сверлили лицо должника. — Или смелости не хватило веревку на балке в сарае закрепить?

Барадачев вздрогнул так, словно его ударили током. Его побелевшие пальцы судорожно скомкали тетрадный лист — прощальную записку.

— Т-ты... вы откуда... — прохрипел мужик, вжимаясь в спинку стула.

Я стоял как вкопанный, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Громов не мог видеть балку в сарае. И он не мог прочитать текст записки от двери.

— Мы приехали забрать тебя в отдел, — так же спокойно продолжил Громов, игнорируя ужас в глазах Барадачева. — Если бы мы поехали по просеке, мы бы опоздали на двадцать минут. И ты бы уже висел. Но мы здесь. Собирайся. Твое время умирать еще не пришло.

Отличный выбор! Это добавит в историю глубины и даст нам зацепку для развития сюжета — ту самую ниточку, за которую Костырко потянет и выйдет на что-то большее.

Лови продолжение. Копируй в свой файл!

Барадачев смотрел на Громова так, словно перед ним стоял сам дьявол. Его нижняя челюсть мелко дрожала, а мутные глаза наполнились животным ужасом. Серая, пепельная аура вокруг него вдруг пошла крупной рябью, словно в неё бросили камень.

А потом он сломался.

Мужик закрыл лицо грязными, мозолистыми руками, и его плечи затряслись в беззвучных рыданиях. Это был не плач пьяницы, которого поймали с поличным, а жуткий, утробный вой человека, загнанного в угол.

— Да лучше бы вы опоздали... — провыл он сквозь пальцы, раскачиваясь на стуле. — Лучше бы опоздали, суки! Вы же ничего не понимаете! Вы меня сейчас заберете, а они... они всё равно придут! Они сказали, если до вечера деньги не отдам, они дом спалят. А мне отдавать нечего! Всё выгребли, всё до копейки!

Я шагнул вперед, инстинктивно отодвигая Громова чуть в сторону. Мой внутренний мент, привыкший к истерикам потерпевших, включился на автомате.

— Кто придет, Михайлович? — я постарался сделать голос максимально жестким, но спокойным. — Какие деньги? У тебя три штрафа по линии ГИБДД висят неоплаченные, мы за ними приехали. Кому ты еще должен?

Барадачев оторвал руки от лица. По его небритым щекам текли слезы, смешиваясь с грязью.

— Да плевать мне на ваши штрафы! — крикнул он, срывая голос. — Кредит я взял... В «Быстрых Деньгах», будь они прокляты. Жена болела, на операцию не хватало. Взял пятьдесят тысяч, а через месяц насчитали двести. Я платил, клянусь, платил! А потом с работы поперли... И началось. Сначала звонили, потом окна били. А вчера приехали двое. На черном джипе.

Он судорожно сглотнул, глядя на пустую бутылку.

— Сказали, счетчик включили. Полмиллиона до вечера. Или сожгут всё к чертовой матери, вместе со мной. Я к участковому вашему, к Бавыкину бегал! А он... — Барадачев зло сплюнул на пол. — Он меня даже слушать не стал. Сказал, сам брал, сам и разбирайся. А мне жить незачем больше. Жена померла, работы нет, долг этот... Я записку написал, чтобы хоть знали, из-за кого в петлю полез.

Я почувствовал, как внутри закипает глухая злость. Бавыкин. Наш доблестный участковый, на которого постоянно жаловался мой сосед Артём Витальевич. Опять отмахнулся от человека, как от назойливой мухи.

Я косил глаза на Громова. Лейтенант стоял неподвижно, его лицо по-прежнему ничего не выражало. Но фиолетовые искры вокруг его плеч стали острее, словно лезвия.

— Кто приезжал на джипе? Номера запомнил? — спросил я, доставая из кармана блокнот.

— Номера заляпаны были грязью, — Барадачев вытер нос рукавом свитера. — Зато лица запомнил. Один здоровый, лысый, со шрамом через бровь. А второй... странный какой-то. Худой, в очках. У него на шее татуировка была. Глаз в треугольнике.

Я замер. Ручка остановилась на бумаге. Треугольник с глазом. Я видел эту татуировку. Полгода назад, когда мы с Заскалько оформляли мелкого наркоторговца. И тогда это дело очень быстро и тихо забрали люди из Управления, а сам задержанный бесследно исчез.

— Собирайся, Михайлович, — я захлопнул блокнот. — Поедешь с нами в отдел. Там безопаснее будет. Оформим тебя по административке за штрафы, посадим в камеру на сутки. До туда твои коллекторы точно не доберутся. А там разберемся.

Барадачев с сомнением посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Громова. Новичок медленно кивнул.

— Одевайтесь, Константин Михайлович, — тихо сказал Громов. — Младший лейтенант прав. В отделе сегодня будет безопаснее. Пока что.

Последние слова он произнес с такой странной интонацией, что у меня снова похолодело внутри. Что значит «пока что»?

В этот момент с улицы раздался громкий, протяжный гудок автомобильного клаксона. Это был наш УАЗ. Заскалькo сигналил, призывая нас поторопиться. Я схватил Барадачева за рукав растянутого свитера и потянул к выходу. Нужно было убираться из этого дома как можно быстрее. Предчувствие, которое мучило меня с самого утра, сейчас вопило сиреной.

До отдела докатились уже в глухих сумерках. Серая хмарь цеплялась за верхушки облезлых тополей, росших вдоль забора из профнастила. Ребята — Антон и оперативники — сразу поволокли Барадачева в допросную на первом этаже. Тот вяло упирался, размазывая по лицу грязные слезы и что-то бессвязно мыча. Я провожать их не стал. Внутри всё зудело от нехорошего предчувствия, и, вместо того чтобы оформлять протокол задержания, я повернул к лестнице и поднялся на второй этаж, к ротному. Нужно было поговорить с глазу на глаз, пока мозг окончательно не расплавился от усталости.

Перед дверью с облупившейся табличкой «Подполковник Папарыга Д. С.» я помедлил. Глубоко вздохнул, настраиваясь на тяжелый разговор, и негромко постучал. Не дождавшись ответа, толкнул тяжелую деревянную створку.

Кабинет встретил меня таким плотным, удушливым амбре, что на секунду перехватило дыхание. Пахло дешевым, ядреным одеколоном — из тех, что пахнут одновременно спиртом, залежалой гвоздикой и потными портянками. Этот запах буквально стоял в воздухе сизым туманом. Сам Дмитрий Сергеевич Папарыга сидел в своем старом дерматиновом кресле, которое жалобно поскрипывало при каждом его движении. Сейчас он был неподвижен. Его массивные, покрытые густой седой порослью руки безжизненно лежали на заваленном рапортами столе, а голова была тяжело опущена прямо на них, будто шея больше не могла держать этот чугунный котелок.

— Дмитрий Сергеевич, мы вернулись, — тихо сказал я, прикрывая за собой дверь. — Барадачева доставили. Парни сейчас с ним работают внизу.

Я замер у порога, внимательно вглядываясь в командира, пытаюсь уловить его реакцию. Папарыга зашевелился не сразу. Медленно, словно преодолевая сопротивление невидимой болотной жижи, он поднял голову. На меня уставились полумертвые, затянутые мутной пеленой глаза. В этом взгляде не было злости или усталости — там застыло тяжелое, глухое равнодушие человека, который смотрит на покойника. Будто меня, Сергея, уже давно не было в живых, а перед ним стоял лишь призрак.

Его губы, сухие и потрескавшиеся, плотно сжались, не оставляя ни единого шанса даже на подобие дежурной улыбки. Волосы на висках, всегда аккуратно подстриженные, теперь торчали грязными сивыми вихрами. Он выглядел постаревшим сразу на десяток лет.

— Сергей... — его голос прозвучал глухо, с хрипотцой, будто он долго молчал или кричал в подушку. — Ты вообще понимаешь, что здесь происходит? Что вообще творится в этом чертовом районе?

Он спросил это, глядя куда-то сквозь меня, на стену. Я открыл было рот, чтобы ответить, но Папарыга резко махнул рукой, обрывая меня на полуслове, и продолжил: — А я вот не понимаю. Сколько лет я здесь служу... сколько дерьма повидал, от бытовухи до бандитских разборок в девяностых. Но чтобы такое... Ни разу за всю службу я не видел, чтобы мы ловили долбанных ведьм. Настоящих ведьм, Сережа! Которые пронзают головы собственным мужикам, а потом подвешивают эти трупы на придорожных соснах, зацепив за рукоятку кинжала, торчащего прямо из темени. Ты можете себе такое представить?

У меня по спине пробежал неприятный холодок.

— В каком смысле — ведьм, Дмитрий Сергеевич? — переспросил я, чувствуя, как ком подступает к горлу. — Что за дичь?

— В прямом, Сережа. В самом что ни на есть прямом, — Папарыга тяжело вздохнул и полез в карман форменной куртки. — Сегодня гаишники патрулировали трассу М7. Время — четвертый час утра, туман стелется, видимость паршивая. И тут фары выхватывают у обочины картину: стоит старая «Лада», а рядом, прямо в грязи на коленях, сидит молодая девка в одной сорочке. Раскачивается, воет что-то под нос, руки к небу тянет. Словно обряд какой-то проводит. А над ней, на толстом суку вековой сосны, висит ее законный супруг. И висит не на веревке, понимаешь? В череп по самую рукоять вбит охотничий нож. И этим самым ножом он зацепился за сук. Девка сидит внизу, вся в его крови, и улыбается.

— А может, это не она? — я попытался уцепиться за остатки здравого смысла. — Мало ли на трассе отморозков. Может, банде какой дорогу перешли, а девчонка просто от шока умом тронулась?

— Мы тоже так сначала подумали, — подполковник наконец нащупал под завалами бумаг помятую пачку сигарет с кричащим названием «Сексист». Достал одну, чиркнул дешевой пластиковой зажигалкой. Огонек на секунду выхватил его глубокие морщины. — Но эксперты уже дали предварительное заключение. Отпечатки на рукоятке ножа — только ее. И ладно бы просто отпечатки... Нож вогнали в череп одним ударом. Рукоятка вошла по самый мозг, кость раздроблена в труху. Ты представь, какая силища должна быть у девки весом в пятьдесят килограммов, чтобы пробить человеческий череп, как гнилой кабачок? Тут здоровый мужик кувалдой с первого раза так не попадет.

Подполковник глубоко затянулся. Сизый, едкий дым поплыл к потолку, смешиваясь с запахом дешевого одеколона. От этой смеси у меня заслезились глаза.

— А тут еще этот... новобранец, — Папарыга раздраженно сплюнул на пол сквозь зубы. — Прислали на мою голову лейтенанта этого. Мне тут Хорошуна за глаза хватало — дьявол, черт его дери, вечно от него одни проблемы и мутные схемы. Из-за него одного в отделе вечно какая-то чертовщина творится, проверки за проверками. А теперь еще этот новый... Я не знаю, что делать, Сергей. Голова кругом идет. Вы с Антоном — единственные нормальные, надежные мужики, которые еще дело делают, а не херней страдают. Так что, пожалуйста... служите родине, как и всегда. Не подводите меня.

Подполковник тяжело поднялся со своего кресла. Скрипнув половицами, он подошел ко мне почти вплотную. По пути он аккуратно, с каким-то ожесточением затушил окурок о старую стеклянную пепельницу, доверху забитую серым пеплом.

— Ладно, — Папарыга потряс головой, прогоняя наваждение. — Чего зашел-то? Не просто же так у меня над душой стоять. Что-то нужно?

— Да, Дмитрий Сергеевич, — я выпрямился. — Мне бы рапорт подписать. Нужно из города на выходные уехать по личным делам. Обещал одному человеку показаться, очень надо.

Я невольно отвел взгляд в сторону. В углу кабинета, зажатая между пыльным сейфом и шкафом с архивными папками, царил густая, почти осязаемая темнота. Там, в полумраке, висела маленькая, потемневшая от времени и копоти деревянная иконка Георгия Победоносца. Мне показалось, что лик святого смотрит на меня с сочувствием и тревогой.

Папарыга проследил за моим взглядом, едва заметно поморщился и кивнул: — Ладно. Дело нужное, отдыхать тоже надо, а то свихнешься тут с вами. Сейчас рапорт распечатаю, заполнишь по форме.

Он вернулся к столу и нажал кнопку включения на системном блоке. Его старый компьютер — древний, покрытый слоем вековой пыли гроб — отозвался натужным воем. Он то свистел на ультразвуке, то утробно трещал жестким диском, словно собирался испустить дух прямо сейчас, но каким-то чудом продолжал работать, упрямо цепляясь за жизнь.

Когда я наконец заполнил рапорт, оставил его на столе у ротного и сдал дежурному свой табельный Макаров, на улице уже окончательно стемнело. Смена закончилась. Тяжелая стальная дверь отдела захлопнулась за моей спиной с глухим, режущим ухо стуком. Воздух на улице был сырым, пахло близким дождем и прелой листвой.

Не успел я сделать и пары шагов по разбитому крыльцу, как из темноты двора показался силуэт. Это был Антон Заскалько. Он шел не торопясь, засунув руки в карманы куртки и смешно почесывая кончик носа.

— Серег, здорово еще раз, — негромко сказал он, подойдя ближе. — Слушай, предупредить хотел. Меня на выходных в городе не будет. Моя со своей мамой договорилась, едем к теще на дачу. Придется все выходные грядки копать да заборы латать, будь они неладны.

— Да меня тоже в городе не будет, Антон, — ответил я, и на губах сама собой появилась усталая, но искренняя улыбка. — Поеду по своим делам. Надо кое-какие старые долги закрыть.

Антон понимающе кивнул, но улыбка быстро сошла с его лица. Он опасливо огляделся по сторонам, словно проверяя, не греет ли уши кто-то посторонний в густых тенях полицейского двора, и придвинулся ко мне ближе.

— Слушай, Серег... — его голос упал до шепота. — А что ты вообще думаешь по поводу этого... нового? Ну, лейтенанта нашего свежего?

Я невольно посмотрел вверх, на темные, почти черные окна второго этажа нашего отдела. В одном из них, где не горел свет, мне на секунду почудился силуэт, неподвижно наблюдающий за нами.

— Жутковатый он какой-то, Антон, — честно признался я, и по спине снова пробежали мурашки. — Сам не пойму, что с ним не так, но нутром чую — бежать от него надо. Я в следующую нашу совместную смену, пожалуй, пару иконок из дома прихвачу. В бардачок закину и в карман положу. Так спокойнее будет.

— Ну-ну, — хмыкнул Антон, хотя в его глазах отразилась вполне реальная тревога. — Ладно, бывай. До понедельника.

Он повернулся, зашагал к своей ухоженной, сияющей в свете редких фонарей BMW E60. Мотор «пятерки» сыто заурчал, Антон резко сдал назад, развернулся и с тихим шурхом шин рванул с парковки в сторону проспекта, спеша поскорее скрыться в уютном домашнем тепле.

Я остался один. Медленно подошел к своей машине, стоявшей на краю площадки. Под ногами блестел влажный от вечерней росы асфальт. В голове, перебивая все мысли о ведьмах и рапортах, вдруг заиграла музыка. Это была странная мелодия — тяжелая, ритмичная, скрежещущая, какая-то потусторонняя. «Музыка дьявола», как я сам ее называл. Она не пугала, наоборот — почему-то вдохновляла, задавала дикий, яростный ритм жизни, заставляя кровь быстрее бежать по венам.

Я взялся за ручку водительской двери, как вдруг прямо за моей спиной раздался тихий, вкрадчивый шепот: — Иконы тут не помогут, Сережа...

От неожиданности я подпрыгнул на месте. Сердце ушло в пятки. Я резко развернулся, прижавшись спиной к мокрой дверце машины. Передо мной стоял он. Этот проклятый новый лейтенант. Он возник бесшумно, словно соткался из самого ночного тумана. Его глаза в темноте отливали каким-то неестественным, фосфоресцирующим желтоватым блеском.

— Тут даже святая вода не поможет, — продолжить шептать он, глядя мне прямо в душу. — А ты за деревяшки хвататься сразу вздумал... Глупый.

Жуткая, неестественно широкая улыбка, которая до этого кривила его тонкие губы, вдруг мгновенно исчезла. Лицо лейтенанта стало холодным, недовольным и каким-то плоским, словно маска. Он медленно поднял руку в кожаной перчатке и указал пальцем в сторону выезда на главную дорогу.

— На дороге будет очень скользко сегодня. Береги себя, Сергей.

Я недоуменно моргнул, переводя взгляд туда, куда он указывал — на темную полосу асфальта за воротами отдела.

— В смысле — очень скользко?... — спросил я, поворачиваясь обратно.

Но позади меня уже никого не было. Пустота. Только сырой ночной воздух и тусклый свет фонаря. Лейтенант исчез так же бесшумно, как и появился. Не могло человеческое существо испариться за долю секунды на открытом пространстве.

Я опустил взгляд на землю и похолодел. На мокром асфальте, прямо там, где только что стоял этот чертов новобранец, отчетливо виднелись следы. Но это были не отпечатки армейских берцев или туфель. Это были глубокие, отчетливые следы раздвоенных козьих копыт. И самое страшное — асфальт вокруг этих следов слегка дымился. Обувь лейтенанта буквально прожгла, растопила твердое покрытие, оставив глубокие, обугленные промятины, из которых пахло серой и горелой резиной.

Дрожащими руками я открыл машину, буквально упал на водительское сиденье и запер дверь. Сорвал с головы форменную фуражку, швырнул ее на соседнее сиденье и тыльной стороной ладони вытер холодный, липкий пот, крупными каплями выступивший на лбу.

— Господи, спаси и сохрани... — прошептал я, хотя слова лейтенанта о том, что это не поможет, намертво засели в голове.

Я повернул ключ в замке зажигания. Мотор отозвался привычным рокотом. Включив первую передачу, я резко нажал на газ и буквально вылетел с территории отдела, стремясь оказаться как можно дальше от этого проклятого места.

Дорога действительно была странной. На первый взгляд — обычный влажный асфальт после вечерней измороси, но колеса держались за него неохотно, машину то и дело слегка водило из стороны в сторону, будто под колесами был не мокрый камень, а тонкий слой жидкого сала.

Я ехал осторожно, держась правой полосы. Впереди показался крупный перекресток. Когда до него оставалось метров пятьдесят, зеленый сигнал светофора замигал, предупреждая о скорой смене фазы. Я спокойно перенес ногу на педаль тормоза и плавно нажал на нее.

Ничего не произошло.

Педаль просто ушла в пол, мягко и безвольно, словно под ней была пустота. Машина продолжала катиться вперед с той же скоростью. Паника холодной волной ударила в грудь. Я судорожно нажал на тормоз еще раз, потом еще — педаль проваливалась до упора, не оказывая никакого сопротивления.

— Да ладно... Нет, нет, нет! — закричал я в пустой салон.

Впереди уже загорелся желтый. С тротуара на пешеходный переход начали уверенно ступать первые люди — уставшие прохожие, спешащие домой с работы, прикрываясь зонтами. До них оставались считанные секунды хода.

Понимая, что тормозов нет вообще, я начал судорожно оттормаживаться двигателем. С силой выжал сцепление, с хрустом воткнул третью передачу вместо четвертой. Обороты взлетели, мотор взвыл раненым зверем. Машину ощутимо тряхнуло, скорость начала падать, но слишком медленно. Перекресток приближался неумолимо. Я рванул рычаг коробки дальше, втыкая вторую передачу. Колеса заблокировались, машину потащило юзом, боком унося прямо на людей. Я крутил руль, пытаюсь удержать траекторию, но неуправляемый кусок металла несли вперед по скользкой дороге.

И тут краем глаза я заметил спасение. Справа от дороги чернела широкая полоса разрытой земли. Там совсем недавно коммунальщики меняли теплотрассу — закопали огромные трубы, но положить новый асфальт еще не успели, просто засыпав траншею толстым слоем рыхлого речного песка.

Не раздумывая ни секунды, я резко вывернул руль вправо.

Машина на полной скорости влетела в песчаную зону. Раздался оглушительный скрежет, песок фонтаном взлетел выше крыши, забивая лобовое стекло. Вязкая масса мгновенно сковала колеса, гася инерцию. Нас сильно тряхнуло, я едва не ударился головой о боковое стекло, но машина наконец остановилась.

Наступила тишина, нарушаемая только шипением перегретого мотора и тяжелым, хриплым дыханием.

До пешеходного перехода, по которому ни о чем не подозревая шли люди, оставалось какие-то жалкие три метра. Я обессиленно уткнулся лбом в холодный обод рулевого колеса. Сердце колотилось в груди так бешено, что казалось, еще немного — и оно проломит ребра. Пальцы, сжимавшие руль, побелели и онемели.

Кое-как справившись с дрожью, я заглушил двигатель, выбрался из салона на свежий воздух и обошел машину кругом. Внешне всё было цело — бампер увяз в песке, но серьезных повреждений не видно. Но в голове настойчиво бился один и тот же вопрос: что это было? Почему тормоза отказали именно сейчас, сразу после того странного предупреждения? Какая неведомая, злобная сила лишила меня контроля над машиной? Неужели этот урод... этот новый лейтенант действительно сотворил это?

Кое-как выбравшись из песчаного плена, я на аварийке, крадучись и тормозя исключительно ручником и двигателем, доплелся до дома. Дорога, которая обычно занимала минут десять, растянулась на добрых полчаса.

Дома меня встретил мягкий свет прихожей и запах домашней еды. Моя жена Ольга уже была дома. Стоило мне только переступить порог и закрыть за собой дверь, как она вышла в коридор. Оля взглянула на мое бледное лицо, на взъерошенные волосы и сразу всё поняла. У нее всегда было поразительное, почти пугающее чутье на любые неприятности, происходящие со мной.

— Сережа... — она тревожно всплеснула руками, подходя ближе и заглядывая мне в глаза. — Я прямо кожей чувствую, что что-то стряслось. На тебе лица нет. Что произошло?

Я тяжело вздохнул, стягивая мокрую куртку. — Да... машина, Оль. Тормоза на перекрестке отказали полностью. Едва в пешеходов не влетел, еле в кучу песка машину заправил.

Ольга недовольно покачала головой, в ее глазах смешались страх за меня и привычное, чисто женское раздражение: — Господи, Сережа... Ну я же тебе сколько раз говорила! Давай возьмем кредит, купим нормальную, новую машину из салона, зай. А ты всё заладил: «Денег нет, жалко переплачивать, проценты грабительские»... У нас полстраны без денег сидит, концы с концами сводит, а все на кредитных «Майбахах» да новеньких иномарках ездят. Твоя безопасность дороже любых денег!

— Да не в машине дело, любимая, — тихо сказал я, обнимая ее за плечи и прижимая к себе. — С машиной всё нормально было, я ее только на прошлой неделе на ТО гонял. Дело в другом... В сотруднике этом новом, который к нам сегодня в отдел пришел.

Ольга отстранилась и недоверчиво посмотрела на меня, изогнув бровь: — Интересно. И как же твой новый сотрудник связан с тормозами? Он что, лично под капот тебе залез и шланги перерезал, пока ты рапорт писал?

— Да если бы... — я устало потер переносицу. — Он просто подошел ко мне на парковке и сказал, что дорога будет очень скользкой. А как сказал — так оно и вышло. Будто сглазил... или проклял. Поверь мне, зай, там творится какая-то дичь.

Ольга внимательно всмотрелась в мое лицо. Видимо, заметив в моих глазах нешуточный, глубокий страх, она смягчилась. Напряжение ушло из ее плеч. — Верю, — тихо сказала она, прижимаясь щекой к моей груди. — Верю, потому что люблю тебя, дурачка моего суеверного.

На ее щеках проступил нежный, едва заметный румянец. Я улыбнулся, чувствуя, как ледяной ком внутри меня начинает медленно таять. В этот момент я отчетливо понял: что бы

ни происходило там, за порогом нашего дома, какая бы чертовщина ни стучалась над городом — пока у меня есть Оля, я справлюсь. Никто и никогда не любил меня так, как она.

— Ты давай, переодевайся, — Оля поправила сползшую лямку своей домашней кофты. — И машину в гараж загони от греха подальше. Жалко ведь, если поцарапает кто или ветка упадет. По радио передали, что сегодня ночью будет сильный ливень с грозой и шквалистым ветром.

Я быстро переоделся в привычную гражданскую одежду — старые джинсы и мягкую толстовку. На улице уже вовсю хозяйничала ночь. Небо затянуло плотными, почти черными тучами, сквозь которые не пробивался ни один лучик звездного света.

Выйдя во двор, я первым делом заметил Артёма. Наш сосед стоял под деревянным навесом возле своего дома. В темноте ярко алел огонек его сигареты. Артём стоял неподвижно, засунув руки в карманы ветровки, и задумчиво смотрел куда-то вдаль, в сторону железной дороги, проходившей неподалеку. Оттуда, из темноты, доносился глухой, размеренный стук колес — очередной тяжело груженный состав шел на восток. Первые крупные капли дождя начали шумно стучать по металлическому навесу, создавая удивительный, меланхоличный аккомпанемент к этому индустриальному шуму. В этом была своя, особая, мрачная романтика окраины.

— Здорово, Тём, — негромко сказал я, подходя к своей машине

Поздоровавшись с Артёмом, который лишь молча и понимающе шевельнул плечом в ответ, я открыл дверь своей машины. Салон встретил меня привычным, родным запахом — смесью дешёвого освежителя-«ёлочки», старой обивки и едва уловимого аромата Олиных духов. На душе мгновенно стало спокойнее, будто этот маленький железный коробок был моим личным защитным куполом от всего безумия, что творилось снаружи.

Я повернул ключ в замке зажигания. Стартер привычно чихнул, и двигатель отозвался мягким, ровным урчанием. Включив ближний свет, я разрезал густую темноту двора двумя жёлтыми лучами, в которых бешено плясали крупные капли тёплого летнего дождя. Ехать было всего ничего — гараж находился буквально в десяти метрах от дома, у самого забора. Я плавно отпустил сцепление, и машина медленно покатила по размокшей траве, мягко покачиваясь на неровностях земли.

Загнав автомобиль внутрь сухой и тёмной коробки гаража, я заглушил мотор. Наступила относительная тишина, нарушаемая лишь оглушительным, яростным барабанным боем дождя по металлической крыше. Здесь, внутри, пахло машинным маслом, сухой пылью, старой резиной и бензином — классический, успокаивающий запах любого мужского убежища.

Вся машина снаружи была покрыта крупными, дрожащими каплями воды, в которых тускло отражался свет единственной пыльной лампочки под потолком. Я, как заботливый и дотошный владелец, просто не мог оставить её в таком виде. Для меня уход за техникой всегда был своего рода медитацией, способом отключить голову от служебных проблем.

Я достал из настенного шкафчика мягкую, сухую тряпку и принялся методично, круговыми движениями протирать капот. Ткань быстро впитывала влагу, оставляя после себя чистый, блестящий металл. Шаг за шагом, крыло за крылом, я стирал следы сегодняшней безумной поездки, словно вместе с этой водой пытался стереть из памяти жуткий взгляд лейтенанта Громова и то липкое чувство страха, которое до сих пор сидело где-то глубоко под рёбрами.

Закончив работу, я бросил влажную тряпку на верстак, подошёл к выключателю и щёлкнул тумблером. Гараж мгновенно погрузился в непроглядную тьму. Я аккуратно вышел на улицу, притворил тяжёлые деревянные створки ворот, натужно заскрипевшие петлями, и защёлкнул массивный навесной замок. Металл ключа был приятным и холодным.

Дождь лил сплошной стеной, превращая двор в сплошное водяное марево. Я быстро перебежал обратно под навес к Артёму, отряхивая капли с волос.

Сосед стоял в той же позе, прислонившись плечом к деревянной опоре. Огонёк его сигареты то разгорался, то угасал, выхватывая из темноты его сосредоточенное лицо. Артём даже не повернулся в мою сторону — его взгляд был прикован к железнодорожной насыпи, проходившей метрах в ста от наших домов.

Оттуда, сквозь плотную завесу ливня, доносился тяжёлый, утробный рокот. Земля под нашими ногами мелко и ритмично вибрировала. Это шёл очередной грузовой состав. Много-тонные железные звери, сцепленные в бесконечную чёрную змею, натужно ревели мощными дизельными двигателями, упрямо пробивая ночную бурю. Стук огромных колёс о стыки рельсов — *тук-тук... тук-тук* — казался пульсом самого этого безумного мира.

Артём медленно поднял руку и не торопясь почесал густую недельную щетину на подбородке. Раздался характерный сухой шорох жёстких волос о пальцы.

— Знаешь, Серёг... — тихо начал он, и его голос, несмотря на шум поезда и ливня, прозвучал удивительно чётко, будто он говорил прямо мне в ухо. — Это ведь не жизнь к нам несправедлива. Жизнь — она штука простая, чистая и, в общем-то, очень красивая. Это люди всё испортили. Весь этот дурацкий строй, систему, которую человек сам себе породил и в которую сам же добровольно залез — вот наш главный враг.

Он сделал глубокую затяжку, и кончик сигареты вспыхнул ярким рубиновым светом, на секунду осветив его грустную, усталую улыбку.

— Жизнь ведь даёт нам прекрасные моменты, Серёг. Даёт любить, чувствовать, просто дышать этим дождём. Да, иногда она подкидывает испытания, бьёт наотмашь, проверяет на прочность. Но всё же... Человек сам загоняет себя в рамки. Мы сами напридумывали себе безумные задачи: как можно быстрее доставить грузы на другой конец страны, как можно быстрее всё запрограммировать, построить, сдать отчёты, успеть на совещание, перегнать соседа по карьерной лестнице... Бежим, спотыкаемся, ломаем шеи в этой вечной спешке. А ради чего, Серёг? Ради чего весь этот бег по кругу?

Артём повернул ко мне голову, и я увидел в его глазах глубокую, вековую тоску человека, который заглянул за ширму привычной реальности.

— В ответ за эту угробленную жизнь, за бессонные ночи и седые волосы мы получаем эти цветные бумажки. Деньги. Грязные, пахнущие чужими руками бумажки, за которые ты можешь купить лишь иллюзию того, чего на самом деле желаешь. Иллюзию свободы, иллюзию счастья, иллюзию безопасности. Мы променяли живой мир на эту фальшивку, Серёг. И самое страшное — мы продолжаем верить, что так и надо.

Он замолчал, глядя, как мимо нас с грохотом проносится последний вагон поезда, увозя свой тяжёлый груз в ночную темноту. Гул начал медленно затихать, уступая место чистому, монотонному шуму летнего ливня. Артём щелчком отправил окурок в темноту. Красная точка описала красивую дугу и с тихим шипением погасла в глубокой луже у

наших ног.

Я пожал Артёму руку, напоследок кивнул и быстрым шагом направился к дому. Тяжёлые, налитые летней влагой капли дождя мгновенно забарабанили по плечам, но я почти не почувствовал прохлады. Все мысли были там, за порогом, где горел мягкий, приглушённый свет в окнах нашей кухни.

Я толкнул тяжёлую входную дверь, и она закрылась за моей спиной с мягким, глухим щелчком, разом отсекая весь внешний мир — с его грохочущими многотонными поездами, холодным ливнем, философией Артёма и давящим, липким предчувствием беды.

В прихожей пахло сухим теплом, деревом и домашней едой — Оля приготовила тот самый наваристый летний суп со свежей зеленью, аромат которого мгновенно заполнил всё пространство, заставляя забыть о дорожной пыли и служебных тревогах. Я с облегчением стянул влажную куртку, повесил её на вешалку и разулся. Напряжение в плечах, державшее меня весь этот безумный день, начало медленно, неохотно отпускать.

Из кухни слышались мягкие, тихие шаги. Оля вышла в прихожую. На ней была простая домашняя кофта свободного кроя и короткие шорты, тёмные волосы были небрежно собраны в пучок, из которого выбилось несколько непослушных прядей, мягко обрамлявших её лицо. Она посмотрела на меня своими тёплыми, внимательными глазами, и на её губах появилась та самая, предназначенная только для меня улыбка.

— Ну наконец-то, Сереж, — тихо сказала она, делая шаг навстречу. — Я уже начала волноваться. Слышу, поезд идёт, дождь разошёлся, а тебя всё нет. С Артёмом опять зацепились?

— Да так, поболтали немного о жизни под навесом, — улыбнулся я, делая шаг вперёд и прижимая её к себе.

Я уткнулся носом в её шею, вдыхая родной, успокаивающий запах — смесь её любимого крема, ванили и домашнего тепла. Оля обняла меня за талию, уткнувшись лицом в мою грудь. В этот момент в полумраке прихожей, где горел лишь слабый настенный бра, мне на секунду показалось, что вокруг её фигуры, вокруг этих мягких тёмных волос разливается едва заметное, приглушённое лавандовое свечение. Оно не имело ничего общего с той агрессивной, колючей фиолетовой рябью, которую я ощущал от лейтенанта Громова. Это свечение было тёплым, мягким, словно невидимый защитный купол, который оберегал наш дом и меня самого от любой внешней тьмы. И пока я держал её в руках, я чувствовал себя в абсолютной безопасности.

— Иди мой руки и за стол, всё уже готово, стынет, — Оля ласково похлопала меня по спине и отстранилась, увлекая за собой на кухню.

На кухонном столе уже стояли две глубокие тарелки, от которых поднимался ароматный пар. Рядом лежала аккуратная нарезка свежего хлеба и зелени, которую мы покупали на рынке. На подоконнике, среди пышных зелёных листьев герани, тихонько шумел маленький радиоприёмник, передавая какую-то старую, спокойную мелодию. На столе горела небольшая ароматическая свеча, её лепесток пламени мягко подрагивал от сквозняка, отбрасывая длинные, причудливые тени на стены.

Я сел за стол, чувствуя, как приятная усталость разливается по всему телу. Оля села напротив, подперев подбородок ладонью, и с нежностью наблюдала за тем, как я ем.

— Вкусно? — спросила она, хотя по моему аппетиту всё и так было понятно.

— Потрясающе, Оль. У тебя всегда получается какой-то особенный суп. На службе о таком только мечтать приходится. Там всё на бегу, всухомятку, под вечные крики Хорошуна...

— Ну, забудь ты хоть на вечер про своего Хорошуна и про отдел, — мягко перебила она меня, протянув руку через стол и накрыв мою ладонь своими тёплыми пальцами. — Ты сейчас дома. Никакой работы, никаких рапортов. Только ты и я.

Я перевернул руку и сжал её ладонь в своей. Металл моего обручального кольца приятно коснулся её кожи. После ужина мы переместились в гостиную. За окном бушевала настоящая летняя гроза — молнии то и дело освещали небосвод, а раскаты грома заставляли стёкла слегка вибрировать. Но здесь, внутри, под тёплым пледом, на мягком диване, это казалось лишь красивым представлением.

Оля устроилась у меня под боком, положив голову мне на плечо. Я перебирал пальцами её длинные тёмные волосы, чувствуя их шелковистость. В полумраке комнаты, освещаемой лишь вспышками грозы за окном и тусклым экраном выключенного телевизора, её силуэт снова казался окружённым тем самым мягким, успокаивающим фиолетовым ореолом. Это была её любовь, её забота, материализованная в невидимую силу, которая затягивала мои душевные раны после тяжёлых смен.

— Знаешь, Сереж... — тихо прошептала она, прижимаясь ко мне ещё ближе. — Мне иногда кажется, что мир снаружи становится слишком сложным и пугающим. Все куда-то бегут, злятся... Но когда ты возвращаешься домой, ко мне, всё это как будто перестаёт существовать. Обещай мне, что ты всегда будешь возвращаться.

Я поцеловал её в макушку, чувствуя, как к горлу подступает ком от нахлынувших чувств.
— Обещаю, родная. Всегда. Из любого ада вернусь к тебе.

Мы сидели так в тишине, слушая, как дождь неистово бьёт по отливам окон, а где-то вдалеке, заглушаемый грозой, упрямо грохотал очередной товарный поезд. Но в нашем маленьком мире царил абсолютный, нерушимый покой.

После того как я проснулся, накрытый одеялом, будто тяжёлым плащом из прошлой ночи, я долго лежал, прислушиваясь к тишине квартиры. Она была не глухой, а наполненной: где-то капала вода в ванной, в подъезде хлопнула дверь, а за окном дождь выстукивал по кар-

низу свою бесконечную, монотонную мелодию. Я посмотрел на улицу. Погода была дождливой и прохладной, и в этой сырости было что-то завораживающее — она словно шептала: «Полежи ещё, никуда не торопись». Хотелось поддаться этому шёпоту, завернуться в одеяло и вычеркнуть из календаря этот день. Но план был составлен ещё вчера, и он не терпел отлагательств. Как всегда, когда так хотелось просто отдохнуть, дела требовали, чтобы я встал, собрался и поехал.

Встав с кровати, я потянулся, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок от ночной сырости. Пол был ледяным, и первые шаги по нему заставили меня поморщиться. Подойдя к шкафу, я открыл его, и запах старого дерева и стирального порошка ударил в нос — запах, который я знал с детства и который почему-то всегда напоминал мне о порядке. Внутри всё висело ровно: рубашки на вешалках, джинсы сложены стопкой, футболки аккуратно уложены. Я достал свои джинсы, немного поношенные, но удобные, и чёрную футболку, которая не бросалась в глаза и подходила к любому настроению.

Поглядев на полку выше шкафа, я заметил, как тускло поблёскивают в полумраке мои часы. Взяв свои «Электронику», я невольно улыбнулся. Я выкупил их на аукционе за три тысячи рублей ещё тогда, когда мне только стукнуло восемнадцать. Для кого-то это были просто старые часы с цифровым дисплеем, для меня — кусочек юности, упрямого желания иметь что-то своё, особенное. Нацепив их на руку, я почувствовал привычную тяжесть на запястье — будто маленький якорь, который не давал мне улететь в сторону фантазий.

Зайдя на кухню, я увидел Ольгу. Она сидела за столом, обхватив ладонями чашку, и смотрела в окно, словно пыталась разглядеть в дожде что-то важное. Её плечи были чуть опущены, а волосы собраны в небрежный пучок, из которого выбивались тонкие пряди. В этот момент она казалась одновременно хрупкой и невероятно сильной. Подойдя к ней сзади, я приобнял её и поцеловал в шею. Она чуть вздрогнула, а потом улыбнулась, не оборачиваясь.

— Ты опять рано, — тихо сказала она, не выпуская чашку из рук.

— Опять, — ответил я, садясь напротив. — Но сегодня это важно.

— Ты всегда так говоришь, — усмехнулась она, но в её голосе не было упрёка, только лёгкая усталость.

Мы посидели с ней полчаса, попивая чёрный чай, который она заварила по своему особому рецепту — с щепоткой корицы и каплей мёда. Время будто замедлилось, и на эти тридцать минут все тревоги остались за дверью. Но потом я посмотрел на часы, вздохнул и встал. Ольга молча кивнула, будто понимала, что спорить бесполезно.

Выйдя на улицу, я почувствовал, как холодный ветер пробирается под футболку, а капли дождя скользят по лицу, смешиваясь с остатками утренней сонливости. Гараж был неподалёку, и я быстро дошёл до него, стараясь не промочить ноги. Открыв ворота, я выгнал свою машину на улицу, а потом закрыл гараж, прислушиваясь к глухому стуку металлической двери. Этот звук всегда означал одно: пути назад нет, день начался.

Проезжая по улицам города, я смотрел на мокрые крыши домов, на лужи, в которых отражались серые тучи, и на редких прохожих, спешащих под зонтами. Город казался сонным, будто не хотел просыпаться, и эта вялость передавалась мне. Но фонк, который играл в моей машине, бил по ушам резкими басами и не давал расслабиться. Он будто кричал: «Не тормози,

у тебя есть дело!» И каждый такт заставлял меня думать о том, чтобы вдавить педаль в пол и улететь вперёд, оставив позади все сомнения.

Погода так и просила не гнаться, быть осторожнее на скользкой дороге, но музыка и внутреннее напряжение тянули в противоположную сторону. Я выехал из города и, проехав пятьдесят километров по трассе, свернул в сторону села Пирамиды. Это место всегда казалось мне странным: название звучало как шутка, но само село было настоящим, с настоящими людьми, домами и тайнами. Недалеко от него находилось и моё родное Шестаково, но сегодня мой путь лежал не туда.

Проезжая по улочкам старых домов села Пирамиды, я замечал детали, которые раньше ускользали от внимания: покосившиеся заборы, облупившуюся краску на ставнях, детские игрушки, забытые на крыльце. Всё это складывалось в картину тихого, немного забытого места, где время текло иначе. Наконец, я подъехал к нужному дому — из газосиликата, с пластиковыми окнами и навесом, который тянулся почти на всю территорию участка. Дом выглядел новым, но каким-то безжизненным, будто его построили, но так и не заселили.

Калитка была открыта, и я зашёл во двор, чувствуя, как под ногами хрустит влажная кирпичная плитка. На ней стояла BMW M5 F10 — чёрная, блестящая, будто только что вымытая дождём. Эта машина никак не вписывалась в общий пейзаж села, и от этого становилось ещё тревожнее.

На порог вышла девушка. На вид ей было лет девятнадцать. Это была молодая загадочная девушка с овальным лицом, спокойным, немного отстранённым выражением и большими внимательными глазами. Её длинные тёмные волосы были разделены прямым пробором и тяжёлыми прядями спускались ниже плеч, почти сливаясь с фиолетовой темнотой вокруг. На ней была светлая майка на тонких бретелях, а на шее — небольшая цепочка, которая поблёскивала в тусклом свете. Она держала руки за головой, будто поправляла волосы, но в её позе не было ни неловкости, ни напряжения — только странное, уверенное спокойствие.

Вся её фигура была окружена мягким лавандовым светом, который казался не естественным, а каким-то внутренним, будто она сама его излучала. Она выглядела не опасной, но от неё невозможно было отвести взгляд. В её спокойствии было что-то ненормальное — словно девушка уже знала то, о чём остальные пока даже не догадывались.

Строгими шагами она подошла ко мне и поздоровалась:

— Ну, здравствуйте, Сергей.

Сказала она, не сводя с меня глаз. Её голос был ровным, без лишних эмоций, но в нём чувствовалась сила.

— Здравствуй, Лиза, — ответил я, чувствуя, как внутри поднимается напряжение. Оно было не таким, как перед обычной встречей, а тяжёлым, будто воздух вокруг стал гуще.

— Давно не виделись, всё в делах, да времени нету на то, чтоб до вас с Олей доехать, — сказала Лиза, слегка наклонив голову.

— Да вот же, — усмехнулся я, пытаюсь скрыть неловкость.

— Вижу, у тебя проблема какая-то возникла на работе: то ли товарищ новый появился, то ли враг твой, — продолжила она, будто читала мои мысли.

И я не удивился. Зная её, я понимал: она всегда могла прочесть мои мысли с лёгкостью, ведь у неё был дар видеть будущее. Этот дар пугал и одновременно притягивал, потому что с Лизой не нужно было притворяться — она всё видела насквозь.

— Верно, Лиз. Новый сотрудник. Надо узнать, кто он такой. А кто, как не ты, это сделает лучше всего? — признался я, глядя ей прямо в глаза.

Она молча кивнула, а потом повела меня в свой дом. Дверь скрипнула, пропуская нас внутрь, и тут же обволакивала приятным, тёплым запахом: корицы, воска и чего-то ещё, неуловимого, но родного. Атмосфера была такой, будто дом сам по себе был живым существом, которое знало все тайны своих хозяев.

— Ну так как там моя сестрёнка поживает? — спросила Лиза про Ольгу, и на её лице появилась лёгкая улыбка. В этот момент она стала похожа на обычную девушку, а не на провидицу.

— Да нормально всё, сегодня дома, — ответил я, садясь на стул, который скрипнул под моим весом.

— Ясенько, — протянула она, оглядываясь вокруг, будто проверяя, всё ли на месте. — Ну теперь давай займёмся делом.

Лиза взяла колоду карт, подошла к столу и зажгла свечу. Пламя дрогнуло, а потом вытянулось вверх, словно тянулось к чему-то невидимому. Она села рядом со мной, попивая кофе из маленькой чашки, и начала раскладывать карты на столе. Её движения были точными, выверенными, будто каждый жест имел своё значение.

— Как интересно, — сказала она, как только открыла первую карту. Её голос стал ниже, а взгляд сосредоточился на узорах.

— Он и в правду наделён энергией чёрной полосы, — добавила она, проводя пальцем по краю карты.

— Как ты это поняла? — спросил я, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Ну так, а ты сидишь тут на жопе ровно, а я как взяла карту в руки, у меня пальцы на ногах сводить начали, — ответила она, не поднимая глаз.

— И часто у тебя такое? — не удержался я.

— На фига тебе эта информация? — резко бросила она, поправляя карты. В её голосе прозвучала сталь, и я понял, что сейчас не время для лишних вопросов.

— Да интересно просто, — пробормотал я, отводя взгляд.

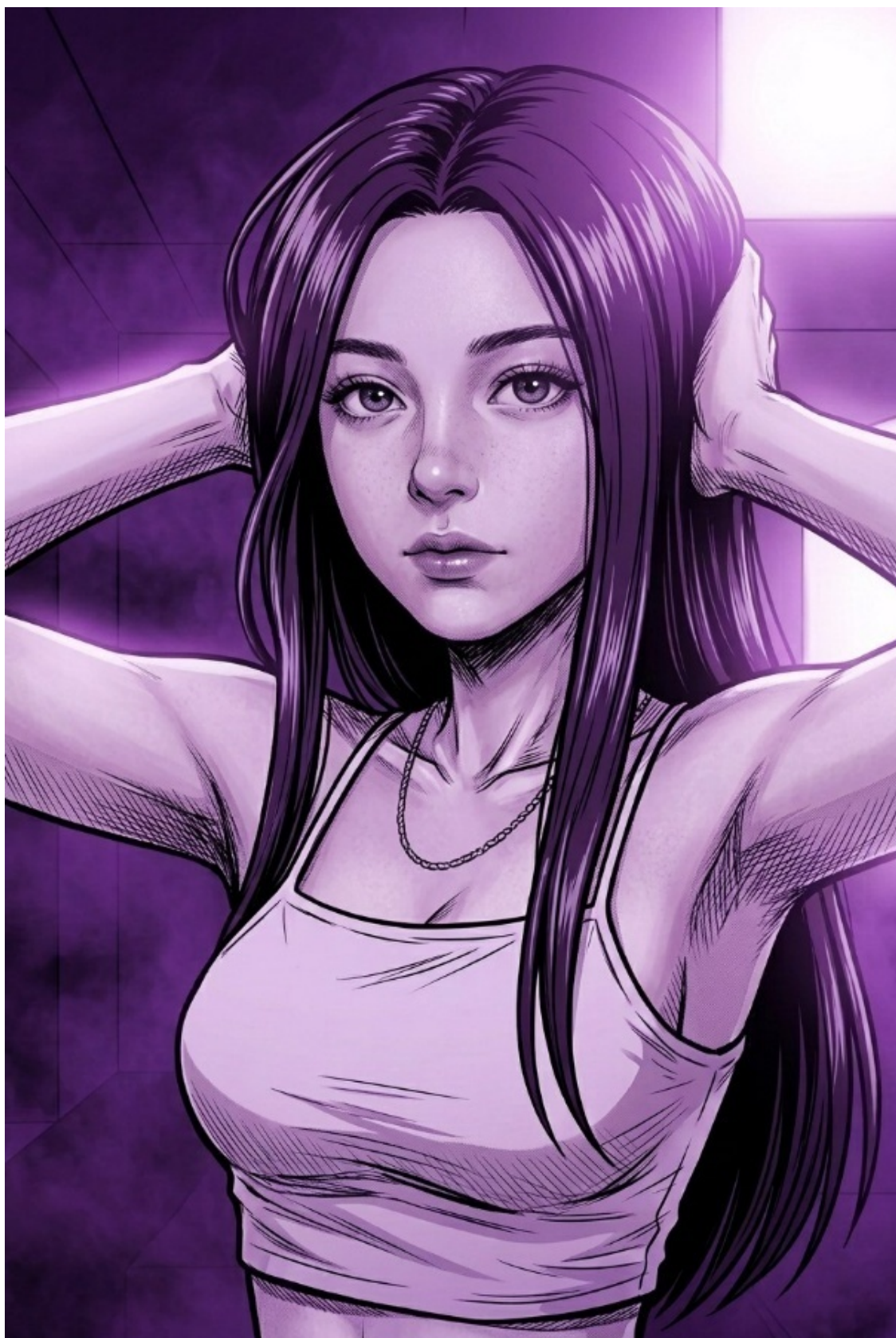
— Ну это второй раз за мою жизнь, — уже спокойнее сказала она, снова склоняясь над картами.

Она начала поправлять карты и потихоньку открывать их, будто раскрывала страницы чужой судьбы. Каждая новая карта ложилась на стол с тихим шорохом, и этот звук казался мне громче любого крика.

— Ну, первое: его проклятие было с его рождения. Богом его не напугаешь, — произнесла Лиза, глядя куда-то сквозь меня, будто видела не комнату, а далёкие, тёмные уголки мира.

— Ну а чем остановить-то его? — спросил я, чувствуя, как в груди сжимается что-то тяжёлое.

— Ничем. Он сам должен остановиться, — ответила она, вставая из-за стола. Её движения стали резче, а в глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видел — усталость пополам с решимостью.

— Что-то не так? — спросил я, оглядываясь на Лизу.

Она выключила свет в доме, и комната погрузилась в полумрак, где единственным источником света оставалось дрожащее пламя свечи.

— Глаза закрой, дурень, — сказала она, подходя ко мне. В её голосе не было злости, только срочность, будто каждая секунда имела значение.

— Закрыл? — снова спросила она.

— Закрыл, — ответил я, чувствуя, как темнота давит на веки.

— Что видишь? — её голос звучал теперь откуда-то издалека, будто она стояла не рядом, а где-то на границе миров.

— Ничего, — прошептал я.

И тут она ударила меня в грудь — да с такой силой, что мои глаза открылись сами собой, а дыхание перехватило. Я начал задыхаться, а перед глазами замелькали обрывки видений. В голове зазвучали детские крики — то ли радости, то ли плача, они переплетались, создавая невыносимую какофонию. Между этими моментами всё засияло, и я увидел какие-то обрывки реальности.

Сначала появилась белая спортивная «Калина», вроде «Гранты», 2011–2013 года. Рядом стояла низкая девушка с короткой причёской. Её глаза были залиты каким-то раствором цвета синих чернил, но консистенция была безумно чёрной, будто сама тьма собралась в них. Потом кадр сменился: низко-низко пролетел самолёт «Грач», его тень скользнула по земле, а следом появились товарищи по службе — их лица были напряжёнными, будто они знали что-то, чего не знал я.

А потом я увидел его — того человека, из-за которого и возникла вся эта проблема. Он стоял на мосту через реку. Его глаза были фиолетовыми, неестественно яркими, а аура вокруг него была как у мертвеца — холодная, пустая, высасывающая тепло из всего вокруг. Кадр вновь сменился, и я оказался на кладбище. Там стояла девушка в белом коротком платье. Она повернулась, и её глаза выпали на землю, а потом подлетели вороны и съели их. Она не кричала, не плакала — её рот был широко открыт, но из него не выходило ни звука. Вокруг слышался только детский плач и их смех — звонкий, издевательский, от которого хотелось закрыть уши и убежать.

Вдруг я очнулся. Меня трясла Лиза, её лицо было близко, а глаза полны тревоги.

— Ты всё увидел? — спросила она, голос её дрожал, будто она тоже только что пережила что-то невыносимое.

— Вроде всё, — прошептал я, чувствуя, как тело покрывается мурашками, а сердце колотится где-то в горле.

— На этом сеанс окончен, — сказала Лиза, гася свечу. Тьма стала плотнее, но теперь в ней не было ничего мистического — только обычная темнота комнаты.

— На днях с мужем доедем до вас, может, гостинец привезём. Давно со своей сестрой не виделась, соскучилась, — добавила она уже обычным голосом, будто последние минуты были не сеансом прорицания, а просто разговором за чашкой чая.

Я встал, поправил футболку, которая прилипла к спине от холодного пота, и попрощался с ней. Выйдя на улицу, я вдохнул сырой воздух, и он показался мне чище, чем раньше. Сев в машину, я тронулся обратно домой. Пока я ехал, мурашки по коже не останавливались, а вопросы становились всё больше: кто эта девушка на «Калине»? Почему он стоит на мосту? И что за девушка была на кладбище?

Дорога тянулась бесконечно, и каждый километр будто добавлял к этим вопросам новые, ещё более пугающие. Но я знал одно: теперь я не смогу просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не произошло. Видения Лизы были слишком реальными, чтобы их игнорировать.

Когда я подъехал к дому, уже начинало смеркаться. Дождь почти закончился, но с крыш всё ещё стекала вода, а в лужах дрожали отражения фонарей. Я заглушил двигатель и несколько секунд просто сидел, не решаясь выйти.

На пассажирском сиденье лежали мои часы «Электроника». Ремешок расстегнулся во время поездки, хотя я точно помнил, что застегнул его. Цифры на дисплее мигали, показывая неправильное время: 21:08.

Я нахмурился и постучал пальцем по стеклу. Экран погас, а затем снова загорелся.

21:08.

В памяти всплыл первый обрывок видения — белая «Калина», низкая девушка с чёрными глазами и странный, почти химический запах. Потом мост. Фиолетовые глаза Громова. Кладбище.

Я сунул часы в карман и вышел из машины.

Оля встретила меня в прихожей. Она стояла босиком, в домашней кофте, и держала в руках кухонное полотенце. На лице у неё была улыбка, но глаза сразу заметили, что со мной что-то не так.

— Ты где был?

— У Лизы.

Улыбка исчезла.

— Что случилось?

Я снял куртку и повесил её на крючок. Хотел ответить, что ничего, что мы просто поговорили, но в этот момент в комнате раздался тихий щелчок.

Телевизор включился сам.

На экране шёл рябящий серо-синий кадр с камеры наблюдения. Пустой коридор, тусклые стены, неподвижная деревянная дверь. В левом нижнем углу мигала дата:

24-09-2022 21:08:20.

Оля медленно подошла ближе.

— Это что?

Я не ответил.

Камера дёрнулась, изображение исказилось, и в конце коридора появилась фигура. Мужчина в тёмной форме стоял неподвижно, глядя прямо в объектив. Лица почти не было видно, но глаза светились густым, болезненным фиолетовым светом.

Громов.

Внезапно он поднял руку и указал куда-то за пределы кадра.

Раздался детский смех.

Потом экран погас.

В квартире снова стало тихо. Только вода в ванной продолжала капать — ровно, раз в несколько секунд.

— Сергей... — прошептала Оля.

Я обернулся к ней и увидел, как вокруг её плеч дрогнуло мягкое лавандовое свечение. Но теперь оно было слабее обычного. В нём появились тёмные полосы, похожие на трещины в стекле.

Телефон в моём кармане завибрировал.

На экране высветился неизвестный номер. Я принял вызов, но в ответ услышал только шум ветра и далёкий гул поезда.

А затем детский голос.

За дверью снова раздался стук.

Оля крепче сжала мою руку.

— Не открывай, — повторила она.

Я достал телефон и включил фонарик. Луч света дрогнул на дверном глазке. На площадке никого не было. Только тусклая лампа под потолком и мокрые следы, тянувшиеся от лестницы к нашей двери.

Следы были маленькими. Детскими.

Они обрывались прямо у порога.

— Сергей... — прошептала Оля.

В этот момент из комнаты донёсся тихий электронный сигнал. Телевизор снова включился, хотя его шнур по-прежнему лежал на полу, выдернутый из розетки.

На экране появилась уже не запись с камеры, а изображение нашей прихожей.

Я увидел себя и Олю со спины. Мы стояли перед дверью, не подозревая, что за нами, возле шкафа, застыла ещё одна фигура.

Девушка с короткими волосами.

Лицо было размыто, но глаза оставались чёрными и неподвижными.

Я резко обернулся.

У шкафа никого не было.

На экране девушка медленно подняла руку и указала на карман моей куртки.

Я достал часы «Электроника». На дисплее вместо времени снова светилась надпись:

ЛИЗА НЕ В КВАРТИРЕ.

Оля побледнела.

— Но она приехала раньше тебя, — сказала она. — Я сама видела, как она вошла.

— А теперь?

Мы посмотрели на дверь в гостиную.

Она была закрыта.

Из-за неё слышался голос Лизы:

— Оля? Сергей? Откройте, пожалуйста.

Оля отступила от меня.

— Я не запираю эту дверь.

Голос повторился, но теперь в нём звучало что-то неправильное. Слова произносились слишком медленно, с длинными паузами между ними:

— **Откройте... пожалуйста...**

На экране телевизора девушка с чёрными глазами улыбнулась.

А затем изображение переключилось на пустой коридор, где в левом нижнем углу снова мигнула дата:

24.09.2022.

— **Теперь он тебя видит.**

Фиолетовый свет ударил в глаза.

Я попытался отступить, но ноги словно приросли к полу. Оля стояла рядом, однако её лицо становилось всё дальше, расплываясь в сером тумане.

— Сергей! — кричала она. — Проснись!

Я хотел ответить, но изо рта не вырвалось ни звука.

В прихожей больше никого не было. Ни существа, ни телевизора, ни двери гостиной. Только бесконечный тёмный коридор, уходящий куда-то вниз. По стенам тянулись фиолетовые трещины, а впереди стоял Громов.

Он был без формы, в простой чёрной одежде. Его лицо казалось измученным, почти человеческим.

— Ты слишком близко подошёл, — сказал он.

— К чему?

Громов посмотрел мне за спину.

— К тому, что просыпается.

Я обернулся и увидел Лизу. Она стояла в конце коридора, но выглядела совсем иначе: бледная, неподвижная, с пустыми чёрными глазами. В руках она держала мои часы.

— Не смотри на неё, — прошептал Громов. — Это уже не она.

Лиза подняла голову.

— Сергей...

Её голос был голосом Ольги.

Я сделал шаг назад и почувствовал под ногой что-то мягкое. Опустил взгляд — на полу лежала детская фотография. На ней были мы с Ольгой, Лиза и ещё один человек, которого я не знал.

У него были фиолетовые глаза.

Фотография намокла, а чернила на ней начали расплываться. Незнакомец медленно повернул голову прямо ко мне.

— Ты обещал вернуться, — сказал он.

В этот момент зазвонил телефон.

Звонок становился всё громче, резал слух, превращался в металлический скрежет. Коридор задрожал. Стены пошли волнами, Громов исчез, Лиза рассыпалась чёрным дымом, а фиолетовый свет поглотил всё вокруг.

Я проснулся рывком.

Несколько секунд не мог понять, где нахожусь. Надо мной был потолок спальни, рядом тяжело дышала Ольга. За окном серел рассвет, а дождь тихо стучал по стеклу.

Телефон лежал на полу и продолжал звонить.

Я поднял его. На экране высветился неизвестный номер.

Ольга сонно приоткрыла глаза.

— Кто звонит?

Я не ответил.

На тумбочке лежали мои часы «Электроника». Я точно помнил, что оставил их в кармане куртки.

Дисплей показывал:

21:08.

Телефон продолжал звонить.

Я смотрел на экран, не решаясь принять вызов. Номер был неизвестным, без кода города. Просто длинная последовательность цифр, будто её набрали случайно.

— Сергей? — тихо спросила Ольга.

Я нажал кнопку ответа.

Несколько секунд в трубке слышалось только потрескивание.

Потом раздался голос:

— **Костырко, доложите обстановку.**

Я узнал его сразу.

Громов.

— Кто это?

В ответ послышался короткий смешок. Не громкий, почти беззвучный. Но в нём было что-то неправильное — словно смеялся не один человек.

Ольга села на кровати.

— Положи трубку.

Я уже хотел нажать отбой, когда голос произнёс:

— **Не называй меня по имени.**

Связь оборвалась.

В комнате снова стало тихо. За окном серел рассвет, дождь почти закончился. На стекле дрожали редкие капли, а между домами медленно поднимался туман.

Я посмотрел на часы.

Они по-прежнему показывали **21:08.**

— Ты точно оставлял их на тумбочке? — спросила Ольга.

— Нет. Вчера убрал в карман куртки.

Она протянула руку, но я остановил её.

На металлическом корпусе проступила тонкая трещина. Такая же, как во сне. А под экраном, едва различимая, виднелась фиолетовая полоска.

— Это не может быть, — прошептал я.

— Может, — ответила Ольга. — Если ты ещё не проснулся.

Я посмотрел на неё. Вокруг её плеч сохранялось слабое лавандовое свечение. Оно было почти незаметным, но теперь я видел его отчётливо — как тонкий свет под кожей.

— Лиза говорила, что Громов связан с чем-то, — сказал я. — Может, это оно?

Ольга не ответила сразу.

— Лиза не говорила, что это дьявол.

— А кто тогда?

Она перевела взгляд на часы.

— Иногда человеку проще назвать дьяволом то, чего он не понимает.
В этот момент из коридора донёсся тихий звук.
Будто кто-то провёл ногтем по входной двери.
Мы оба замолчали.
Стук повторился.
Три коротких удара.
Я встал, накинул куртку и достал табельное оружие. Ольга схватила меня за руку.
— Не открывай.
— Может быть, сосед.
— В шесть утра? В дождь? И после такого звонка?
Я подошёл к двери и посмотрел в глазок.
На лестничной площадке никого не было.
Только возле порога лежал сложенный лист бумаги.
Я открыл дверь ровно настолько, чтобы достать его. Бумага была влажной и пахла сыростью. На верхнем краю виднелось круглое отверстие — словно лист вырвали из старой служебной брошюры.
Внутри оказался текст, напечатанный мелким шрифтом:
Объяснение может дать любой участник или очевидец происшествия.
Ниже, от руки, было дописано:
Но не всякий очевидец является человеком.
Я перечитал фразу дважды.
Внизу стояла подпись.
Не фамилия и не инициалы.
Всего одна буква:
Г.
В этот момент телефон снова зазвонил.
Я посмотрел на экран.
Номер был тот же.
— Не отвечай, — сказала Ольга.
Но вызов прекратился сам.
А через секунду на дисплее появились новые цифры:
06:17.
Часы в моей руке впервые за ночь пошли.
Я поднял глаза на Ольгу.
— Значит, я всё-таки проснулся?
Она посмотрела на дверь.
— Нет, Сергей. Ты проснулся только в тот момент, когда он этого захотел.
За стеной слышались шаги.
Кто-то медленно поднимался по лестнице.

Вдруг зазвенел будильник — тот самый противный, металлический звук, от которого сразу хочется выключить голову вместе с ним. Он трезвонил так настойчиво, будто кто-то внутри комнаты требовал немедленного ответа: «*Проснись. Проснись. Проснись*».

Но самое странное было не то, что будильник звенел. Самое странное — что после этого звонка... шаги в доме прекратились.

Я замер, не дыша.

Тишина повисла такая плотная, что в ней можно было различить даже собственное сердцебиение. Ни скрипа половиц, ни глухого стука, ни тихого шороха за дверью. Никакого движения — только телефонный экран, светлый, холодный, и дыхание где-то рядом.

Я медленно повернул голову. Надо мной в темноте едва различался силуэт Ольги — она стояла позади, ближе, чем должна была стоять во сне. Её пальцы были на моей руке — держала крепко, как держат человека, который может исчезнуть.

Оля подошла так тихо, что мне даже не пришлось в голову, как она успела. Её ладонь была тёплой, настоящей. Её дыхание — ровным, но напряжённым. И в тот же момент я понял: она проснулась раньше меня, но не разбудила, потому что... *боялась*.

Она прижалась к моей спине, и я почувствовал, как её тело закрывает меня собой, будто темнота за дверью могла пробраться только до неё, а дальше — нет. Её волосы щекотнули мне щеку, и вместо страха вдруг пришло странное облегчение: если Ольга здесь, значит я не один. Значит всё это — не окончательно.

— Серёж... — шепнула она мне на ухо, и голос был таким тихим, что казался не звуком, а мыслью. — Слышала?

Я сглотнул. Отвечать было сложно: горло будто сжали. Но я кивнул.

— Сон, — сказала Оля уверенно, но в этой уверенности пряталась дрожь. — Просто сон. Будильник позвал — и всё... исчезло.

Я хотел возразить, что ничего не исчезает бесследно, но спорить не хотелось. В голове всплывали обрывки: знакомая тяжесть шага, пустота за дверью, тот лист, который я почему-то видел. Но в реальном мире это всё растворялось быстрее, чем можно было удержать мыслью.

— Пойдем, — сказал я и повернулся к ней. — Ложись. Я... просто посмотрю по времени и всё.

Ольга не спорила. Она только держалась за мою руку ещё секунду, словно не хотела отпускать страх, привязанный ко мне, как поводок. Затем отпустила и пошла за мной к кровати — с тихой осторожностью человека, который знает: резкое движение способно вернуть кошмар обратно.

Я осторожно отстранил её и всё же поднялся. На автомате начал одеваться. Форменная одежда всегда приводила мысли в порядок: пока на тебя надета форма — ты как будто снова принадлежишь этому миру, а не тому, где стены могут трескаться без причины.

Пока я накидывал на плечи куртку и поправлял воротник, Оля села в изголовье, подтянула плед к груди и смотрела на меня так, словно ждала, что я объясню, что именно происходило.

— Ты как? — спросила она.

— Всё нормально, — ответил я, хотя сам не был уверен. — Будто... просто приснилось.

— Просто... — повторила Оля, как будто пробовала слово на вкус.

Я вышел из спальни в коридор, застегнул обувь, проверил ремень. Дверь закрывал на замок уже почти без мыслей, но рука всё равно сделала это идеально — как будто замки могли удержать не только чужих людей, но и чужие измерения.

Я вернулся на секунду и посмотрел на Ольгу: она лежала, поджав ноги, и смотрела на экран телефона. Её лицо было спокойным, но глаза... глаза выдавали: тревога никуда не делась, просто отступила в тень.

— Спи, — сказал я мягко.

— Я постараюсь, — ответила она.

Я вышел на улицу.

И там, с порога, мир был слишком тихим — настолько тихим, что стало не по себе. Ни крика на остановке, ни шороха шин по мокрому асфальту, ни характерного глухого стука колёс поездов. Не было даже обычного городского «гудения», которое в этот час всё равно где-то слышится.

Я стоял у подъезда и слушал.

Тишина будто лежала на дороге, на деревьях, на стенах домов. Даже птиц не было видно. Лишь редкий холодный свет и влажный воздух.

Я поправил фуражку — привычное движение, которое возвращает форму в руки, а контроль — в голову. И пошёл к гаражу.

Гараж встретил меня холодом. Дверь поддалась не сразу, пришлось чуть сильнее, чем обычно. Металл скрипнул, и в этот скрип тоже как будто вшился тот кошмар, который только что отпустил. Но я не дал себе застрять: открыл дальше и шагнул внутрь.

Там стояла моя «ласточка» — Лада Гранта. Честная, простая машина, которая никогда не говорила загадками и не оставляла мокрые листы на коврике.

Я подошёл к ней, погладил ладонью по капоту, будто проверяя, что всё ещё настоящее. Потом сел за руль, завёл двигатель. Он заурчал, и этот звук сразу стал доказательством: мир живёт, мотор работает, реальность — на месте.

Я выгнал машину на дорогу, аккуратно вырулил, прижал педаль газа и поехал в отдел.

Дорога показалась непривычно длинной. Будто кто-то протянул время тонкой ниткой и растянул промежутки между поворотами. На светофорах не было толпы. На перекрёстках не было хаоса. Всё выглядело будто... вымершим.

Добравшись до отдела, я заглушил двигатель и вышел.

Внутри было так же — слишком спокойно. Как будто коридоры не дышали, а ждала тишина, когда её нарушит шаг человека.

Я шёл по знакомым плиткам пола, и слышалось только одно: *чёткий стук туфель* по плитке, ритмичный, как метроном. Иногда этот звук успокаивал — он был единственным доказательством, что я не сплю.

Проходя мимо кабинетов, я поймал себя на мысли: *если бы это снова был сон, я бы уже увидел что-то нелепое*. Но ничего нелепого не происходило. Только двери, таблички, коридоры, и привычная рабочая атмосфера.

И всё же... я почувствовал, что меня кто-то отметил вниманием.

В какой-то момент за углом вышел Хорошун.

Он поправлял пиджак, двигался уверенно и гордо, как всегда. Его осанка будто была частью дисциплины, а взгляд — привычкой проверять людей на прочность. Он даже шёл так, как будто по пути собирал порядок: отдал тишине команду «строиться» и заставлял стены слушаться.

— Здравия желаю, — сказал я и отдал воинское приветствие так, как меня учили, ещё до всех моих сомнений и видений.

Он на мгновение посмотрел на меня... и это было не просто «проверка». Это был взгляд человека, который знает больше, чем говорит.

Я прошёл мимо, стараясь не таращиться, но боковым зрением уловил то, что видел давно: слабое свечение вокруг него, едва заметное, но существующее. Оно было как старое предупреждение, к которому привыкаешь, но не перестаёшь бояться.

Пока я шёл дальше, мысли путались. *Если это сон — почему я вижу свечения? Если реальность — почему тогда вчера у меня всё трещало?*

Дойдя до кабинета, где обычно сидели инспектора ППС, я вошёл.

И внутри всё было как всегда: стулья, бумаги, папки, запах канцелярии и кофе, который где-то варят или уже варили. Но в этот раз тишина не была пустой — она была заполнена ожиданием.

Там уже сидела Наташка.

Она только-только вышла с отпуска. Курила свой айкос — привычно, уверенно, как будто отпуск вообще не касался ни её режима, ни её характера. Я помнил её другой: когда она была сержантом, ездила на рейды, и Пещерев — царствие ему... — всегда говорил про неё, мол, «как она курит — сразу видно, кто здесь командир».

Теперь она была майором.

Меньше надлома в плечах, больше уверенности в взгляде. И при этом — та же Наташка: язвительная, деловая, с привычкой замечать всё.

— Наташ, — сказал я, снимая взгляд с дверного проёма и садясь. — Опять носками завоняло.

Она даже не улыбнулась. Сказала сухо, не отрываясь от телефона:

— Костырко, здравствуй.

Её голос звучал ровно. Без эмоций. Но я понимал: она просто не любит показывать, как реагирует. Она привыкла жить так, чтобы любая тревога проходила внутри, а снаружи оставалась рабочая оболочка.

— Привет, — ответил я и сел в старое кресло.

Кресло скрипнуло — старое, но верное. Я включил компьютер, привычно открыл папку с документацией и начал заполнять данные за месяц. Сначала отчёты шли легко: будто моя рутина сама подхватила и удержала меня от лишних мыслей. Но чем больше документов я заполнял, тем яснее становилось, что в голове всё равно всплывает одно и то же: дверь, шаги, тишина, и снова тишина — после будильника.

Пока я заполнял бумаги, в памяти вставали лица, которых давно не было в моих ежедневных маршрутах: и как мы с ней и Пещеревым раньше ходили на пешие патрули, ловили запахи улиц, разговаривали о пустяках, и казалось, что служба — это только дорога между двумя точками. А теперь... теперь они выше всех звёзд.

Я распечатал данные документов, собрал листы в аккуратную пачку и понёс сдавать.

Коридоры встретили меня шумом только одного: снова стук туфель по плитке. И пока я шёл, по пути проходил мимо каза и дежурки, где сидела лейтенант Света с капитаном Игорьком. Оба выглядели как две одинаковые детали пазла: собранные, спокойные, занятые делом.

А на посту охраны стояла Олеся.

Я проходил мимо них, здоровался привычно, по форме. Никакой мистики. Никаких трещин. Никаких «лишних» голосов.

И всё же: чем ближе я подходил к лестнице, тем сильнее мне казалось, что за каждым углом — кто-то стоит. Не человек. Что-то другое. И оно просто ждёт момента.

И в этот момент меня резко толкнули в бок.

Я не успел даже испугаться. Словно кто-то выключил мне равновесие.

Я едва не подскользнулся: плитка под ногами была мокрой. Мокрой так, как бывает, когда где-то течёт труба батареи. Слишком мокрой для обычной смены, слишком очевидной, чтобы не обращать внимания.

Но я уже летел в стену...

Уткнулся носом в холодную поверхность.

И резко развернулся.

Передо мной стоял Хорошун.

Он был рядом, слишком близко, чтобы я мог это объяснить случайностью. Его лицо оставалось спокойным. Но в глазах — напряжение.

— Я так и думал, что ты видишь, — сказал он.

Я почувствовал, как внутри сжалось сердце.

— Что именно? — выдавил я, хотя язык будто стал ватным.

— Что от меня идёт свечение, — ответил он так, будто мы разговариваем о погоде.

— Ну... да, вижу, — сказал я, и сам удивился тому, насколько ровно прозвучал мой голос. Хорошун прищурился.

— Я знаю, — сказал он. — Но я не думал, что у тебя проклятый глаз.

Слова прозвучали слишком резко, слишком прямо. Будто он снял с этой фразы всякую защиту. Будто раньше он молчал из осторожности, а теперь решил не тянуть.

— В смысле... проклятый глаз? — спросил я.

Внутри у меня всё зашевелилось. Я попытался вспомнить, как это называлось раньше в разговорах, но память отказывалась складываться в понятную картинку.

— Закрой левый глаз, — сказал Хорошун.

Я медленно, будто в замедленной съёмке, закрыл левый глаз.

И в этот момент свечение исчезло.

Полностью. Как будто вокруг Хорошуна внезапно выключили невидимую лампу.

Я открыл левый глаз — и свечение вернулось, снова стало тем же самым знакомым фоном, который я видел годами, но никогда не мог объяснить.

— Видишь? — уточнил Хорошун.

— Вижу, — ответил я.

Он чуть выдохнул, будто подтвердил собственную догадку.

— Значит... в твоей крови идёт то, что называется видеть потусторонние силы, — сказал он.

У меня не было сил спорить. Я только хотел понять, почему это произнесено так... будто это не просто наблюдение, а приговор.

— А я давно знал, что у него есть этот дар, — прозвучало откуда-то рядом.

И вдруг за углом показался Громов.

Он вышел так, как будто уже был там. Как будто тень придала человеку форму, и теперь человек лишь маскирует то, что внутри.

— А ты кто такой? — резко спросил Хорошун.

Громов повернулся к нему и улыбнулся — не широко, но так, что улыбка выглядела странной.

— Я тот, кто хочет власти над всеми вами, — сказал он. — Тот, кто хочет воскресить тех, чья сила была намного сильнее всех.

— Смешно, — ответил Хорошун. — Только мёртвых ещё никто не поднимал с того света.

— Уверен? — спросил Громов.

И на его лице появилась та самая улыбка, которая обычно бывает у людей, которые знают ответ раньше остальных. Улыбка уверенного опасного человека.

Я стоял между ними и вдруг почувствовал, как воздух меняется.

Словно кто-то невидимый провёл пальцем по стене, и стены... *начали трескаться.*

Я не успел понять, откуда пришло это ощущение, потому что в этот же миг в голове пошли видения — быстрые, яркие, как кадры из фильма, который кто-то прокручивает в неправильном порядке. Я увидел: стена треснет от сильного взрыва. Не здесь. В другой комнате, которая была за моей спиной. Я ощутил направление ударной волны ещё до того, как она случится.

— Осторожно! — хотел крикнуть я, но голос не слушался.

Хорошун оттолкнул меня.

Резко. Слишком вовремя.

И в тот же миг — произошёл резкий взрыв.

Свет моргнул. Пыль поднялась в воздух. Ударная волна ударила по ушам, по груди, по всей коже сразу.

Я лежал лицом в сторону и чувствовал, как в голове звенит не будильник — другое звенящее, металлическое ощущение, будто реальность снова пытается разбудить меня и потребовать: *«Проснись окончательно.»*

Всё вокруг на секунду стало белым.

А потом — тишина.

Та же тишина, которая начинается не после кошмара, а перед ним.

Пыль медленно оседала, превращая коридор в серую мутную дымку. В ушах стоял звон, такой сильный, что я несколько секунд не слышал ничего, кроме собственного пульса.

Я лежал на холодном полу, прижавшись щекой к плитке. Где-то рядом потрескивали оборванные провода. Из глубины отдела доносились крики, но они звучали глухо, будто люди находились за толстой стеной или под водой.

— Костырко! — крикнул Хорошун.

Я попытался подняться, но тело не сразу подчинилось. Локоть скользнул по пыли, пальцы зацепились за металлическую ножку стула. В глазах плавали тёмные пятна.

— Я здесь...

Голос прозвучал хрипло.

Хорошун стоял в нескольких шагах от меня. На его пиджаке белела штукатурная пыль, на левой щеке появилась тонкая кровавая царапина. Он выглядел живым. Более того — собранным. Только свечение вокруг него стало другим.

Раньше оно казалось ровным, почти спокойным. Теперь же фиолетовый свет рвался от его плеч короткими всполохами, словно внутри тела билось электричество.

— Вставай, — сказал он. — Быстро. Здесь небезопасно.

— Громов где?

Хорошун не ответил.

Я оглянулся.

Там, где только что стоял лейтенант, никого не было. На стене остался тёмный след, похожий на отпечаток ладони. Обои вокруг него почернели, а мелкие трещины расходились в разные стороны, образуя рисунок, напоминающий паутину.

— Он был здесь, — прошептал я.

— Я знаю.

— Вы его видели?

— Я видел не только его.

Хорошун схватил меня за рукав и рывком поставил на ноги. В этот момент из-за двери дежурной части донёсся женский крик.

— Света! — выкрикнул Хорошун и бросился туда.

Я последовал за ним, пошатываясь. Коридор выглядел почти так же, как минуту назад, но теперь каждая деталь казалась неправильной. Лампы под потолком мигали в разном ритме. На полу блестела вода, хотя труба батареи находилась совсем в другой стороне. Двери кабинетов были закрыты, но за некоторыми из них слышалось движение.

Кто-то ходил внутри.

Кто-то тяжело дышал.

У дежурки стекло было покрыто мелкими трещинами. За ним лейтенант Света стояла, опираясь ладонями о стол. Капитан Игорёк сидел на полу возле шкафа, прижимая руку к голове. На посту охраны Олеся застыла перед монитором и смотрела в экран, не моргая.

— Олеся! — резко окликнул Хорошун.

Она не повернула головы.

— Что там? — спросил я.

На мониторе отображалась запись с камеры коридора.

Я увидел самого себя.

На экране я стоял возле лестницы, но выглядел иначе: неподвижный, с опущенными руками и склонённой головой. Передо мной стоял Громов.

Однако запись показывала не настоящее. На ней не было ни взрыва, ни Хорошуна, ни пыли. Только Сергей Костырко и лейтенант Громов, стоящие посреди пустого коридора.

Громов поднял руку и указал прямо в объектив.

В ту же секунду изображение на мониторе дёрнулось.

Он повернул голову и посмотрел не в камеру, а будто прямо на меня.

Я сделал шаг назад.

— Выключи монитор, — приказал Хорошун.

Олеся медленно подняла руку и нажала кнопку. Экран погас, но через секунду снова загорелся.

Теперь на нём был другой коридор.

Тот же отдел, но совершенно пустой. Стены покрывали длинные чёрные трещины. Лампы отсутствовали. В конце прохода стояла дверь, которой в нашем здании никогда не было.

На двери белыми буквами было написано:

«КАБИНЕТ 21:08»

— У нас нет такого кабинета, — сказала Света.

Её голос дрожал.

— Теперь есть, — ответил Хорошун.

Он быстро открыл дверь дежурки и вошёл внутрь.

— Все отойти от монитора. Не смотреть на экран.

Олеся наконец моргнула, словно проснулась.

— Я... я видела человека за вашей спиной, — сказала она.

Я почувствовал холод между лопаток.

— За чьей?

Она посмотрела на меня.

— За вашей.

Я медленно обернулся.

Коридор позади был пуст.

Только в самом конце, возле лестницы, на стене темнела человеческая тень. Она не принадлежала никому из нас. Свет падал сверху, но тень была направлена в противоположную сторону.

И она двигалась.

Сначала едва заметно — будто дышала. Затем вытянулась по стене, подняла руку и медленно указала на меня.

Внутри головы снова вспыхнуло видение.

Я увидел старовёрский дом.

Стол.

Пустой стул.

Записку Барадачева, лежащую на полу.

А рядом с ней — служебный журнал, которого я никогда не видел.

На раскрытой странице была моя фамилия.

Под ней стояла дата:

24 сентября 2022 года.

А напротив — время:

21:08:20.

Затем видение изменилось.

Передо мной стоял Громов. Но теперь его лицо было испуганным. Не злым, не насмешливым — именно испуганным.

— Ты должен вспомнить, — сказал он. — Иначе оно вспомнит за тебя.

— Что вспомнить?

Громов посмотрел куда-то за моё плечо.

— Кто был в машине.

За его спиной показался перевернутый «УАЗ «Патриот»». В разбитом лобовом стекле отражалось моё лицо. Но рядом со мной на водительском сиденье кто-то сидел.

Человек в полицейской форме.

Я не видел его лица.

Только глаза — тёмные, почти фиолетовые.

— Сергей! — крикнул Хорошун.

Видение исчезло.

Я снова оказался в дежурке. Хорошун держал меня за плечо, а Света что-то говорила по рации. Из рации доносился треск, перемежавшийся чужим шёпотом.

— ...Костырко... доложите обстановку...

Я вырвался из хватки Хорошуна и посмотрел на него.

— Вы слышали?

— Что?

— В рации голос Громова.

Хорошун побледнел.

— Громов сейчас находится в другом здании.

— Откуда вы знаете?

Он не ответил сразу. Лишь посмотрел на часы на стене.

Электронные цифры показывали **08:00**.

Затем мигнули.

21:08.

Свет в отделе погас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.